

Военные
Приключения

ЧУЖАЯ ЛУНА

ИГОРЬ БОЛГАРИН

Адъютант его превосходительства

Игорь Болгарин

Чужая луна

«ВЕЧЕ»

2015

Болгарин И. Я.

Чужая луна / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ», 2015 — (Адъютант его превосходительства)

ISBN 978-5-4444-7838-7

Конец 1920 года. Война в Крыму закончилась. Остатки Вооруженных сил Юга России эвакуировались в Константинополь, их временно расположили на Галлиполийском полуострове. Но жизнь в изгнании тяжка, и многие хотели бы вернуться на Родину. В их числе оказался и генерал-лейтенант Яков Слащёв-Крымский, осужденный офицерским судом чести и разжалованный бароном Врангелем в рядовые за резкую критику его действий в Крыму. Прозябая в одиночестве и нищете, Слащёв неожиданно получил шанс на возвращение, когда к нему пришел его старый знакомый Павел Кольцов, отправленный в Галлиполи со специальной миссией самим Держинским...

ISBN 978-5-4444-7838-7

© Болгарин И. Я., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	29
Глава пятая	35
Глава шестая	49
Глава седьмая	55
Глава восьмая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Игорь Яковлевич Болгарин

Чужая луна

© Болгарин И.Я., 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Часть первая

Глава первая

Уже давно скрылась за горизонтом светлая полоска крымского берега, отстали от растянувшейся до самого горизонта эскадры говорливые чайки. Кончилась многодневная сумасшедшая суета, связанная с последними днями отступления и размещением на кораблях покидающие Россию войска.

Все кончилось!

Но Врангель все не уходил с палубы крейсера «Генерал Корнилов», словно еще не верил, что все это уже случилось, мосты сожжены и возврата к прошлому нет.

Все последние месяцы непрерывных изнуряющих боев в Северной Таврии он понимал, что проигрывает и проиграет эту битву. И его неотступно преследовала одна и та же мысль: как достойно, не потеряв лица, сохранить при этом дееспособную армию, пригодную для будущих сражений. Веры в то, что удастся закрыть на железный запор Крымский перешеек и отсидеться в Крыму до будущей весны, у него уже давно не было. Не то время, не та война! Но и не обращать внимания на пессимистические, деморализующие умозаключения своих подчиненных он не мог, не имел права, хотя тоже уже думал так же, как и многие из них.

Каждодневно, а точнее, каждую ночь, он раскладывал в уме, как некий карточный пасьянс, самые несбыточные варианты спасения армии. Голова все время была забита безумными расчетами различных военных хитростей: десантов, окружений. Он мысленно бродил взглядом над оперативной картой, отыскивая, за что бы спасительное еще можно зацепиться? Казалось, вот оно! Но по здравому размышлению, только что найденное оказывалось мыльным пузырем, бессмыслицей.

Лишь одна мысль стала все чаще задерживаться в его голове. В последние недели она стала едва ли не единственной. Собственно, других вариантов и не было, он все их пристально рассмотрел и отбросил. Но и этой мыслью он не торопился ни с кем делиться. О его душевных терзаниях мало кто знал: друзей у него почти не было, большей частью его окружали сослуживцы, которым он не стремился открывать свою душу.

Окончательно он в нее уверовал и принял к действию после того, как ее как-то произнес командир Кубанского корпуса генерал-лейтенант Фостиков.

– Ваше превосходительство. Может, не то скажу, но послушайте! – сказал тогда он. – Вы ведь ломаете голову над тем же, над чем и многие из нас: как спасти армию от разгрома и бесславия. Я многим высказывал эту мысль, хочу высказать и вам. Не вижу иного варианта, кроме как эвакуировать войска в Турцию. А там Господь укажет, как поступить дальше.

С того дня все и началось.

Вероятно, будущие историки будут писать о нем как о человеке с твердым, гранитным характером. Никто не знал, какие душевные терзания переживал он каждый раз, когда судьба ставила его перед очередным поворотом.

Когда союзники отказали в доверии Деникину и предложили ему возглавить Добровольческую армию, он поначалу отказался от этой должности.

Подвело его честолюбие. Его упросил сам Деникин, а он не понял подвоха. Деникин недолюбливал своего честолюбивого подчиненного, и они часто и порою яростно конфликтовали. Уставший и разуверившийся в затянувшейся войне, перекладывая на Врангеля свой тяжкий крест, он, вероятно, злорадно подумал: «Пусть попробует горький хлеб человека, на плечи которого возложена судьба России».

Врангель верил в свою судьбу и не мог предположить, что все так обернется. Но такова судьба любого военачальника – без головокружительного восторга принимать славу победы, а случится поражение – до дна испить чашу с ядом презрения и позора.

Взглянув еще раз на растянувшуюся до горизонта эскадру, Врангель решил уйти в свою каюту. Капитан «Генерала Корнилова» временно уступил ее Главнокомандующему, сам же унес свою постель в капитанскую рубку, рассчитывая спать лишь урывками. Своему помощнику он доверял, но все же тот был еще молод: и предугадать, что может возникнуть на их пути, было трудно.

Капитан понимал, какая ответственность легла на его плечи: возглавить эскадру из ста двадцати разномастных судов, на которых покидали родину двести пятьдесят семь тысяч человек, не считая судовых команд. Надо было проявить заботу и о самых тихоходных судах, они, несомненно, будут отставать, а в непогоду, шторм могут и вовсе затеряться в море. Немалую угрозу эскадре представляли и подводные лодки, о которых его заранее предупредил вице-адмирал Кедров. Все это капитану «Генерала Корнилова» надо было учитывать, время от времени сбавлять скорость или даже совсем останавливаться, ожидая, пока отставшие суда вновь займут свои места в кильватерном строю.

Путь эскадры до Константинополя, по расчетам капитана, должен был занять приблизительно три дня. Врангель решил использовать это время для отдыха, ну, хотя бы пару дней. Он рассчитывал, что это ему удастся. На каждом большом или малом судне был назначен командир, который должен был гасить все мелкие недоразумения и конфликты, возникающие среди солдат и офицеров. Крупные неприятности пообещал разрешать генерал Кутепов, который, по сути, на время нахождения эскадры в пути командовал вместе с молодым энергичным вице-адмиралом Кедровым всей Русской Армией.

По пути к себе в каюту Врангель снова задержался у трапа и, сняв фуражку, подставил голову солнцу. Море завораживало его. Волна была тихая, ленивая, она дробила вечерние солнечные лучи на тысячи осколков. Он подумал, что последнее время он едва ли не каждый день то на катерах, то на маломерных судах носился по морю. Из Севастополя в Феодосию, в Керчь, в Ялту или в Евпаторию. А вот остановить свой взгляд, увидеть море, ощутить его величественную мощь и красоту все как-то не удавалось. Лишь сейчас вдруг понял, как много в этих бешеных хлопотах он потерял.

Возле Врангеля остановился вице-адмирал Кедров и, заметив какую-то просветленность на лице Главнокомандующего, не стал нарушать тишину.

– На редкость был хороший день, Михаил Александрович. Я имею в виду погоду, – после длительного молчания сказал Врангель.

– Последний привет уходящей осени, – ответил Кедров.

– Еще бы пару-тройку таких деньков, пока мы доплывем до Константинополя, – мечтательно произнес Врангель.

– В эту пору, ваше превосходительство, на такую природную милость уже надеяться не приходится. Со дня на день, боюсь, Черное море покажет нам свой черный характер, – не стал утешать Главнокомандующего Кедров. – Я накануне успел просмотреть в Морской библиотеке ноябрьские метеосводки за последние десять лет. Самый скверный и коварный, штормовой месяц... но будем уповать на Господа!

Врангель ничего не ответил, лишь молча кивнул и стал неторопливо спускаться вниз, в свою каюту.

На рассвете он услышал какую-то возню у каюты, приглушенные голоса. Ранние гости, видимо, не решались его будить и под дверью ожидали, когда он проснется.

Врангель накинул на плечи халат.

– Ну, что стоите под дверью? – окликнул он. – Входите!

В каюту вошли Кутепов и Кедров.

– Докладывайте! – сказал он вошедшим. – Я так понимаю, случилось что-то серьезное?

– Исчез тральщик «Язон», – недоуменно пожав плечами, сказал Кутепов.

– Как? При каких обстоятельствах?

– Его буксировал транспорт «Ельпидифор». На транспорте заметили его исчезновение, сообщили. Остановили эскадру. Подумали, может, оборвался трос. Подождали. А потом все же проверили. И оказалось, что буксировочный трос просто обрублен.

– Может, все же оборвался? Бывает такое, – предположил Врангель.

– Нет-нет, обрублен. Топором.

– Ну, и что вы по этому поводу думаете?

– Следом за «Ельпидифором» следовал транспорт «Рион». Вахтенные слышали на «Язоне» короткую перестрелку. Спросили, что у них там случилось? Не ответили, – дополнил рассказ Кутепова Кедров. – Никто не заметил, когда он вышел из строя и сгинул в темноте. Я так думаю, они решили вернуться к большевикам. Предали Родину.

Врангель помолчал, осмысливая происшедшее.

– Ну, что ж... Ну, что ж... – задумчиво сказал он. Вспомнил картинку из этого же ряда, которую ему буквально вчера или позавчера рассказал генерал-лейтенант Иван Гаврилович Барбович.

Кажется, действие происходило в Ялте. Врангель это доподлинно не запомнил. Вся эвакуация из Крыма: из Керчи, Ялты, Феодосии, Евпатории запомнилась ему как нечто единое – бесконечные шеренги угрюмых солдат, движущиеся по сходням на миноносцы, транспорты, пароходы.

Транспорт «Крым» принял на борт наполовину разбитый махновскими повстанцами конный корпус Барбовича. Загрузились без всякой меры, и в трюмах, и на палубах не протолкнуться. Но солдаты и офицеры все прибывали. Предполагая, что уже больше никаких судов не будет, они с боем, дракой проникали на судно. И тогда капитан принял единственно правильное, хотя и жестокое, решение: он отшвартовался от причала и, ожидая команды на отплытие, бросил якорь в сотне саженях от берега.

Не успевшие пробиться на транспорт, они бродили по берегу и отчаянно переругивались с теми, кому повезло. С борта «Крыма» их успокаивали:

– Не теряйте надежды. К вам вышел еще корабль. Всех заберут.

И тут на пирсе сквозь толпу пробилась сухонькая седенькая старушка, этакий божий одуванчик и, сложив ладошки рупором, прокричала в сторону транспорта:

– Мишель! Мишель! Отзовись! Мне сказали, что ты там!..

Голос у старушки был слабый, и ее слова вряд ли долетели до теснящихся на палубе «Крыма» солдат.

– Эй, там, не берегу! Что там у вас? – спросили с транспорта.

– Сейчас доложим! – донеслось с берега. После чего несколько человек вступили со старушкой в переговоры, стали выяснять, кто такой Мишель и что ей от него надо. Разобрались. После этого самый голосистый выкрикнул с берега:

– Мадам Могилевская ищет своего сына, подпоручика Михаила Могилевского! Слышите? Подпоручика Могилевского! Ей сказали, служил в корпусе генерала Барбовича и вроде находится там, у вас!

– Поняли! – ответили с транспорта. – Просим мадам набраться терпения. На палубе его нет. Може, в трюме? Понадобится время, чтоб его оттуда выковырнуть!

– Нам спешить некуда! – отозвались с транспорта.

И надолго все затихло. Берег ждал. Но с транспорта не поступало никаких известий.

На берегу тем временем кто-то добыл старый погнутый, побывавший в различных передрагах, судовой рупор. Его пронесли над головами всех толпящихся на причале и передали в руки старушке.

– Пардон, но зачем мне граммофон? – высокомерно спросила мадам Могилевская.
– Это рупор, мадам. С его помощью вы сможете поговорить со своим сыном, – объяснили ей.

Старушка вцепилась в рупор, поднесла его к губам, и над морской гладью разнесся ее старческий, но напористый, властный голос:

– Мишель! Сыночек! Я уже целый месяц тебя ищу! Я искала тебя в Александрове, в Аскании-Новой, на Перекопе, в Севастополе и в Феодосии...

– Мадам, ваш сын пока вас не слышит! – сказали ей с транспорта.

– Почему?

– Его ищут, но пока не нашли.

– Но он там?

– Говорят, есть такой! Но он где-то в трюме! – успокоили ее. – Но пока не смогли его извлечь! Теснота, мать ее! Но вы ждите! Мы стараемся!

– Бедный мальчик! – вздохнула мадам Могилевская в рупор: из рук она его не выпускала.

Наконец на палубе транспорта произошло какое-то шевеление и до берега донеслось:

– Эй, на берегу! Говорите! Подпоручик Могилевский желает услышать голос мадам! Он не верит! Его мать тяжело больна и не может быть здесь! Подпоручик говорит, что еще совсем недавно она находилась дома, в Костроме!

Старушке объяснили. Она не без обиды подняла рупор:

– Мышка моя! Сыночек! Это я, твоя мама! Мне Вильгельм Францевич... Ты помнишь Вильгельма Францевича? Он сказал мне, что ты у генерала Барбовича! Я случайно с ним встретилась! Нет, не с Барбовичем, а с Вильгельмом Францевичем! Ты хорошо меня слышишь, Мышонок?

– Да, мама! Я напишу тебе письмо!

– Какое еще письмо! – возмутилась мадам Могилевская, ее голос приобрел железную твердость и властность.

– Но я уезжаю, мама! Кажется, в Турцию! – донеслось с транспорта.

– Ты с ума сошел, Мишель! Какая еще Турция? А как же папа, а как же я? Ты не выдумывай глупостей! Папа сказал, чтобы ты немедленно возвращался домой!

– Но я не могу! – донесся унылый голос подпоручика.

– Папа тебя не поймет! Я тоже!

Наступила тишина. Молчал берег, Молчали на транспорте.

– Не заставляй меня сердиться, Мишель! – донеслось до подпоручика. – Сейчас же возвращайся! Я жду!

Подпоручик долго стоял в каком-то оцепенении. Затем вдруг резко развернулся в одну, потом в другую сторону, освобождая для себя в толпе некоторое пространство. И снова застыл и неотрывно глядел туда, на берег. Затем пружинисто переброшил ноги через металлический леер, ограждавший палубу, и «ласточкой» полетел в воду.

Ничего такого не ожидавшие от смирно переругивавшегося подпоручика с матушкой, офицеры и солдаты разом загомонили, задвигались. Темнолицый усатый крепыш-поручик выхватил у рядом стоявшего солдата карабин, передернул затвор, стал прицеливаться в плывущего в ледяной воде подпоручика.

– Ах ты, гад!

И тут на плечо поручика легла чья-то ладонь. Он обернулся. Увидел стоящего перед ним командира сводного конного корпуса генерал-лейтенанта Барбовича.

– Иван Гаврилович? – лишь на мгновение отвлекся поручик, – Я его счас! Не сумлевайтесь!

– Не нужно, – сказал Барбович. – Верни карабин.

– Ну, как же... изменник Родины, гад!

– Мать – тоже Родина, – глухо сказал Барбович и, протиснувшись сквозь толпу своих конников, ушел в трюм.

Вспомнив этот случай с Барбовичем, Врангель коротко взглянул на Кедрова, затем на Кутепова.

– Они не предали Родину. Ее у нас уже нет, – тихо и с тоской сказал он.

– Пока – нет, – согласился Кутепов и, немного помолчав, с легким раздражением, глядя на Врангеля, спросил: – Вы, верно, устали, Петр Николаевич?

– Не люблю пустословия. Раньше надо было о Родине вспоминать. Там, под Каховкой. И в Крыму тоже!

– Вы словно в чем-то нас обвиняете! – проворчал Кутепов. – Не только я виноват в том, что мы потеряли Россию. Все мы. И я тоже. Поэтому я не в Париже и не в Лондоне, хотя мог бы туда уехать. Поэтому я вместе с армией. Надеюсь, весной с Божьей помощью, мы вернем ее. Это я и хотел сказать. А тех, на «Язоне», извините, я считаю предателями. Изменниками. И слово «Родина» – для меня не пустой звук.

«Началось. Бунт на корабле» – подумал Врангель, уловив эту напористость в тоне генерала. Никогда прежде он не позволял себе такого тона в общении с ним. И то сказать, кто он теперь? Какую страну представляет и он сам, и его армия? Не самое трудное было: увести армию из России. Трудности начинаются только сейчас: сохранить ее, не растерять веру в то, что изгнание – это временно, что они еще вернутся на родную землю победителями. Без этой веры армия скоро превратится в бесправный эмигрантский сброд, а его командующего будут считать авантюристом, которому приличные люди не станут подавать руку. Жалкий удел!

Врангель решил сделать вид, что не обратил внимания на тон Кутепова. В конце концов, он прав. Слово – тоже оружие. Особенно такое слово. Не зря мудрый Барбович поставил эти два слова рядом. Слово «Родина» в его высоком смысле имеет такой же вес, как и слово «мать». А тон? Вероятно, Кутепов провел бессонную ночь. Ему пришлось несколько раз объезжать на катере эскадру, разбираться в происшествиях, улаживать мелкие недоразумения и конфликты. Вряд ли это способствует хорошему настроению.

– Что еще? – мягко спросил Врангель.

– Больше ничего, заслуживающего вашего внимания, – в тон Врангелю ответил Кутепов, но затем, вспомнив что-то, совсем уж потеплевшим голосом добавил: – Впрочем, есть прибавление в списочном составе армии.

Врангель поднял на Кутепова удивленные глаза.

– У генерала Слащёва вечером родила жена. К счастью, на «Твери» нашлись медики, они приняли роды.

– Мальчик, девочка?

– Девочка.

– Он-то, поди, ждал мальчика?

– Девочка лучше, – сказал вице-адмирал Кедров. – Девочки остаются при родителях, а мальчишки... мальчишек истребляют войны.

– У вас есть дети? – спросил Врангель.

Кедров поднял руку с растопыренными пальцами:

– Пятеро.

– Имеете право на такие суждения, – улыбнулся Врангель и добавил: – У Слащёва теперь прибавится хлопот, меньше времени будет уделять склокам. Пожалуйста, поздравьте его от моего имени.

– На «Твери» Слащёва никто не видел. Кто-то сказал, что он на «Илье Муромце». Так что, судя по всему, счастливый папаша еще не ведает о прибавлении семейства.

– По возможности, переправьте его на «Тверь»! – приказал Врангель.

Глава вторая

Эскадра двигалась медленно. Иногда крейсер ложился в дрейф, и все суда, следующие за ним, тоже останавливались, ожидая, пока их догонят и станут в строй отставшие. Затем крейсер снова трогался, и за ним, как утята за уткой, цепочкой двигались остальные суда.

Уже с самого начала стала сказываться нехватка продуктов питания и питьевой воды. Хлеб с первого дня стали выдавать по полфунта на человека и полкружки воды утром и в обед. На некоторых судах выдавали еще и по тарелке жидкого супа.

Были и запасливые беженцы, эти во время оставления города примкнули к мародерам. Они принесли с собой на суда немного различного съестного, главным образом муку, и теперь пытались превратить ее в нечто съедобное: размешивали ее с морской водой, вымешивали и за неимением ни примусов, ни керосинок пытались печь на горячих судовых трубах что-то вроде коржиков. Во всяком случае, с их помощью можно было хоть немного обмануть голод.

Офицеры принесли с разграбленного «Севастополя» вдоволь спиртного, в основном вино. А затем, пьяные, стали расхищать корабельные продовольственные погреба. Иные добрались и до корабельных винных запасов и, не покидая своих кают, тихо пьянствовали и играли «на интерес» в карты, либо в который раз перемывали кости армейскому начальству.

Не миновала чаша сия и крейсер «Генерал Корнилов», на котором находились штаб Главнокомандующего, штаб Командующего флотом и другие службы, а также семьи некоторых офицеров и судовой команды. Днем третьих суток пути в длинной, как пенал, кают-компании собрались некоторые полевые командиры и штабные офицеры и, ожидая, когда к ним выйдет Главнокомандующий, стали обсуждать свое неопределенное будущее.

Старший адъютант Главнокомандующего Михаил Уваров доложил Врангелю о стихийном собрании.

Увидев его в проеме двери, они встали. Главнокомандующий обвел всех своим цепким взглядом. Шатилова, Кутепова и Кедрова он видел в последние недели много раз на дню, они сопровождали его во всех его поездках, вместе они решали кучу дел, связанных с эвакуацией армии. С иными в сумятице последних событий ему встречаться не доводилось, он лишь слышал об их успехах и поражениях. Того же командира Донского корпуса генерал-лейтенанта Федора Федоровича Абрамова он последний раз видел во время поездки к Чонгару в районе Джанкоя и Таганаша. Это было недели две назад, может, чуть больше, а кажется, прошла вечность, столько событий вместило в себя это короткое время. До Врангеля дошли слухи, что там, на Крымском перешейке, Абрамов был ранен.

Генерал-лейтенанта Михаила Архиповича Фостикова Врангель видел в Феодосии, во время размещения на судах Кубанского корпуса. Рядом с ним сидел и его «хвостик»: так называли его начальника штаба полковника Туган-Барановского.

Кто тут еще?

Александр Васильевич Кривошеин, возглавлявший Правительство при штабе русской армии. В последние дни от избытка административного восторга он пытался решать даже те дела, которые не относились к его компетенции. За что он получил от Врангеля нагоняй, который мало пошел ему на пользу. Но, человек по натуре мягкий, он не умел подолгу обижаться.

Рядом с Кривошеиным он увидел давнего своего сослуживца и еще более давнего товарища, действительного статского советника Николая Михайловича Котляревского. В мае Врангель послал его своим представителем в Софию, Белград, Киль и Париж. Котляревский оказался на редкость толковым, четким и исполнительным человеком, порученными ему делами он занимался, как своими собственными, – и вскоре они ощутили это на фронте. Военные грузы пошли в стан Врангеля бесперебойно и, главное, своевременно. Вернулся Николай

Михайлович из командировки почти перед самой эвакуацией армии и был Врангелем тут же назначен своим личным секретарем.

Дружбой с Котляревским Врангель не мог не гордиться. В родословной Котляревских насчитывалось множество славных российских фамилий: Кузьмины-Караваевы, Барятинские, Дурново, Родзянко, Мусины-Пушкины, Шереметьевы, Воронцовы-Дашковы, Шуваловы. Несколько предков Николая Михайловича вошли в вечность через литературу. Алексей Иванович Мусин-Пушкин открыл рукопись «Слова о полку Игореве», а другой предок – Иван Петрович Котляревский – известен как сочинитель «Энеиды» и «Наталки-Полтавки», ставших классикой малороссийской словесности.

Николай Михайлович был единственным человеком среди блистающих погонами военных в партикулярном платье. Он сидел в дальнем углу стола и был почти не виден из-за массивной фигуры командира сводного конного корпуса Ивана Гавриловича Барбовича. В последних, уже крымских боях, его корпус изрядно потрепали, почти разгромили махновские повстанцы. Барбович был мрачен, он и сейчас все еще тяжело переживал эту свою неудачу, в которой до какой-то степени был сам виноват: поверил, что с нерегулярным войском, этими дядьками, мужиками он легко справится. За свою самоуверенность он и был жестоко наказан.

Здесь же еще Врангель увидел сухонького жуира и весельчака генерала Антона Васильевича Туркула и грузного казачьего генерала Вячеслава Григорьевича Науменко. Этих двух он не видел давно, еще с боев под Каховкой.

Были в кают-компании еще несколько человек, лица которых Врангель не мог вспомнить. Вероятно, это были командиры дивизий, назначенные Шатиловым вместо погибших в недавних боях.

– Добрый день, господа! – тихо сказал Врангель. – Прошу садиться!

Все разом сели.

Врангель высмотрел место во главе стола, предназначенное для командира крейсера, а сейчас его уступали ему. Но он прошел мимо, в глубь кают-компаний, и уселся на свободное место между Шатиловым и Барбовичем.

– О чем речь? – вновь, бегло оглядев всех, спросил Врангель.

– Обо всем понемногу. О жизни, – уклончиво ответил Науменко. – В том смысле: что было, что будет, чем сердце успокоится.

– Ну, и к чему пришли?

– Ни к чему. У каждого своя правда.

– Размышляем, ваше превосходительство, как так получилось, шо мы сейчас из дому бежим, а большевики в наших домах вино-водку пьют, – пояснил Науменко. – Пока убегали от большевиков, думать было некогда. А сейчас появилось время, и жуткая обида нас взяла.

– Я тоже об этом думаю, – согласился Врангель.

– Вот! По всему так получается, что не должно бы такого быть, – прогудел своим низким голосом Барбович. – До Тулы дошли, до Москвы осталось два конных перехода. Это если без спешки, с ленцой. Что случилось? Кто и когда допустил ту самую главную ошибку, из-за которой мы, как те бездомные бродяги, по чужим огородам шастаем?

– Ну, и к чему пришли? – нахмурившись, допытывался Врангель. Он понял, это стрела в его адрес.

– Нету вывода. Каждый в свою дудку дует. Вон Кривошеин, тот стоит на том, что виноват весь народ. Будто вся Россия, весь народ поднял руку на «помазанника Божия». За это, говорит, нам и послана кара небесная.

– Не переиначивай, я не так сказал, – покачал головой Кривошеин. – Я о чем? Если бы мы все... Ну, все наши вожди разом объявили, что ведут войну с большевиками ради того, чтобы в дальнейшем восстановить на престоле законного царя...

– Вспомнил. Расстреляли законного царя. А незаконного...

– Всем миром выберем. И станет он законным, – продолжил Кривошеин, – Михаил Романов тоже когда-то незаконным был, пока народ свою волю не изъявил. И сейчас бы так. Был бы царь – и народ поддержал бы нас. Пожили без царя, узнали теперь почем фунт лиха. Особенно крестьяне. Они в нашем государстве – главная сила, всю страну кормят. А к ним бы и рабочие примкнули... Это я так, в порядке размышления.

– Позвольте не согласиться, – отозвался со своего места генерал Абрамов. – Крестьянин, взять, к примеру, тех же донцов, прошел школу мировой войны. И нахватался от родовой интеллигенции – офицеров, генералов – вдоволь зуботычин. Что в армии, что дома крестьянин всегда ощущал себя черной костью. Его во все времена унижали. А у него начала просыпаться своя гордость. Не-ет, он теперь уже не потерпит издевательств. И не простит.

– Но вы-то, надеюсь, не применяли кулаки?

– Не надо переходить на личности, Александр Васильевич. Я знаю много вполне приличных офицеров и генералов. Но их, к сожалению, абсолютное меньшинство.

– Выводы! Выводы! – воскликнул Кривошеин.

– Выводы? – Абрамов немного помолчал, собираясь с мыслями. – Надо было провозгласить демократические лозунги! Да-да! Именно демократических преобразований ждал от нас народ!

– Эко куда хватанули! Демократия! – вклинился в разговор начальник штаба Кубанского корпуса Туган-Барановский. – Да они не знают, что это такое и с чем ее едят. С мужиком надо было проще. Он земли ждал. А мы даже лозунг этот, про землю, отдали большевикам. И еще парочку. «Фабрики – рабочим!», «Мир – народам!». Большевики хорошо ими распорядились. И чем мы теперь, господа, будем народ завлекать?... Молчите? То-то же!

– Запутались мы, братцы, в трех соснах, – вновь прозвучал мощный басок Барбовича. – Лозунги – слова. Кто-то бы им поверил, кто-то – нет. Слова сейчас обесценились, недорого стоят. А надо было делом! Вместо на Москву Антону Ивановичу тогда надо было на Царицын повернуть, соединиться с армией Колчака. Краснов бы с севера поднажал. Кладу голову на плаху, большевики бы не устояли. Или я не прав?

– Вы все сегодня правы, – наконец вступил в разговор Врангель. – Бунт начался в семнадцатом, даже несколько раньше. Народ, и верно, поднял руку на царя. А остановить его мы не сумели. Почему? Причин много. В том числе и те, которые вы упоминали. А дальше смута переросла в революцию.

– Это и есть главный вопрос: почему? – спросил Кутепов. – Почему мы, выученики военных училищ, академий проиграли войну полуграмотным мужикам? Откуда у них появилось столько талантливых полководцев? В какой школе они получили военное образование?

– Эта школа – война. Я имею в виду Первую мировую, – продолжил Врангель. – Там получили выучку такие большевистские командиры, как Фрунзе, Буденный, Миронов, Жлоба, Мокроусов. Много их. Они оказались достойными учениками. Прямо с театра военных действий четырнадцатого они со своим ратным опытом вошли в русскую смуту семнадцатого и возглавили ее. Не будь Первой мировой, не было бы революции. И не только Россия, весь мир выглядел бы несколько по иному.

Врангель смолк. Остальные тоже молчали, осмысливая сказанное.

– И все же, на мой взгляд, есть главная причина нашего поражения. Ее называл Туган-Барановский, но не слишком настойчиво. Я тоже не сразу понял, о чем вину с себя не снимаю, – вновь заговорил Врангель. – Меня еще до Крыма генерал Фостиков предупреждал: не устоим. И назвал причину. Даже тот мужик, который долго нам верил, стал уходить, дезертировать.

– Устал от войны, – подсказал кто-то.

– И это, – согласился Врангель. – Но не только. Надо было еще немного дровишек подбросить в эту топку. А я поздно понял.

– Какие дрова? Что еще можно было сделать?

– Решить земельный вопрос. Вы меня теперь в чем хотите убеждайте, но победил нас простой российский мужик. Он – главная сила в нашей огромной стране. Как была она крестьянской, так и будет до скончания века. На нем вся наша жизнь держится. Он всю Россию кормит, а сам из века в век впроголодь живет. Перестал он нам верить, вот и отвернулся.

– Раньше бы это понять, когда в Таврии бои шли! – поддержал Врангеля Фостиков. – Надо было начать раздавать землю. Без выкупа. Всем поровну, по количеству едоков.

– Это вы, Михаил Архипович, большевистских листовок начитались, – сказал Барбович. – Им мужик тоже не верит. Слишком долго его обманывали.

– И я о том же, Иван Гаврилович! Большевики – листовками, а мы бы – делом. Такая агитация быстро разлетелась бы по всей России и как-то могла повлиять, – и после длительного молчания Фостиков со вздохом добавил: – Только что толку в нашем позднем прозрении... Они – у себя дома, мы – в море. И нет у нас под ногами ни метра земной тверди.

После этих слов все обернулись к Врангелю, ждали, что скажет он. Но он промолчал.

Разговор стал постепенно иссякать. Говорить о том, что могло бы быть, но не сбылось, стало бессмысленно и скучно. С полчаса еще поговорили о чем-то несущественном. О нехватке продуктов питания и воды говорить избегали. Знали: в море им никто ничем не поможет, надо терпеть до Константинополя.

С наступлением сумерек крейсер сбавил скорость и затем лег в дрейф, поджидая отставших.

Гости воспользовались этой остановкой, и катер Главнокомандующего развез их по своим кораблям.

Котляревского Врангель попросил остаться. Они поднялись в каюту Врангеля, и вскоре капитанский вестовой принес им поднос с чаем и различной сдобой, которую ухитрился выпекать кок на корабельном камбузе.

– Я рад, что вы вернулись, что вы с нами, – заботливо усаживая Котляревского в кресло возле круглого резного столика, сказал Врангель и пожаловался: – Устаю от пустопорожних разговоров, вроде нашего сегодняшнего: что могло бы быть, но не сбылось.

– Не уверен, что вы правы, Петр Николаевич, – сказал Котляревский. – Самое время проанализировать то, что произошло. Если не нам с вами, то тем, кто придет нам на смену, это может пригодиться.

– Только не сейчас, – качнул головой Врангель. – Для этого наступит другое время. Когда все станет на свои места.

– Тогда все уйдет в давность, покроется патиной времени. Исчезнут из памяти мелочи, детали. А ведь дьявол кроется именно в них.

– Понимаю. Я и сам, когда остаюсь наедине, часто мучаю себя вопросами: что могло быть, но не сбылось? Почему? Где я ошибся?... Надоело! Пусть другие!

– Другие не знают то, что знаете вы. Они не знают, почему вы поступили так, а не иначе.

– Ну и пусть! – упрямо повторил Врангель. – Мне было бы даже интересно когда-нибудь прочесть, как будущие историки оценят нынешние события. Если власть так и останется за большевиками, мы – злодеи и все наши поступки оценят как кровавые, злодейские. Ну, а если все же мы вернем себе Россию, те же самые историки напишут о жалкой кучке бандитов, которые почему-то называли себя большевиками... Нет одной правды. Их, как минимум, две, а то и больше.

В каюте было прохладно. Они обнимали ладонями горячие подстаканники, и им казалось, что тепло кипятка постепенно перетекало в их тела.

– А если говорить серьезно, Николай Михайлович, я пришел к неутешительному выводу: это я во всем виноват, – сказал вдруг Врангель. – Да-да! Я сам!

– Та-ак! – Котляревский удивленно посмотрел на Врангеля и даже растерянно поставил на столик стакан: – Надеюсь, вы это иносказательно?

Врангель не ответил.

– Если иносказательно, тут я вас понимаю. Полководец, проигравший сражение, уже потому виноват, что он его проиграл. Весь спрос с него. Никто не станет вникать слишком глубоко. Скажем, кто-то несвоевременно подвез боеприпасы, где-то задержался транспорт, и с опозданием подошло подкрепление, неудачной оказалась позиция, и прочее, и прочее. Десятки разных причин. Кому какое до всего этого дело? Судят по результату.

– Все намного сложнее, чем вы себе это представили. На полководца работают все армейские службы, от разведки, артиллерии, саперов до топографов и метеорологов. Полководец получает все необходимые ему данные. Он знает все, что только он хочет знать. Все, до мелочей. Именно поэтому его уму, его таланту, интуиции доверяют тысячи и тысячи людей, – Врангель поднялся с кресла и, со стаканом в руках, стал медленно ходить по каюте, – Как все просто: меня вооружили всеми необходимыми знаниями, и теперь только от меня, от моего таланта зависит и жизнь людей, и исход операции. Так ведь?

– Пожалуй, – согласился Котляревский. – Объективно, так.

– Слушайте дальше! Кто-то недостаточно точно проанализировал возникшую на данный момент ситуацию. Он был молодой и неопытный, или опытный, но у него болела голова, он поругался с женой или он куда-то торопился. Но в результате я получил полуправдивую информацию. Другая служба. Ее сотрудник пощадил меня и несколько смягчил огорчительную для меня информацию. Он сделал из самых добрых ко мне побуждений. И я, полководец, владею не точной информацией, а слегка искаженной, а то и просто неправдивой. А я ведь ей верю, я опираюсь на эту полуправду. Я окружен ею, я живу в ней. Я по этой полуправде делаю выводы и принимаю важные для судеб людей решения. Так вот!

– Ну, и какой же выход? – растерянно спросил Котляревский.

– Выход? А его нет. Один я не силах проконтролировать всю поступающую ко мне информацию. Я обязан, обречен верить всем, честным и нечестным, добросовестным и не очень, льстецам и откровенным негодяям, всем, кто мне ее поставляет. Как видите, неудача полководца это не только его неудача. Порою он меньше всего в ней виновен.

– Печальная картина, – сказал Котляревский. – Я представлял себе ее несколько иначе.

Примерно через час задул легкий норд-ост. Он принес с собой низкие дождевые облака. И вскоре по палубе застучала снежная крупка, которая чуть позже перешла в дождь.

– Вот видите, даже на погоду нельзя рассчитывать. Я все же надеялся, что погода будет нам благоприятствовать. Но даже она, похоже, нас обманула, – глядя в иллюминатор, сказал Врангель.

– Ну, что ж! Пора и мне откланяться! – поднялся из-за столика Котляревский.

– А то оставайтесь! Койка для вас есть. Постельное белье чистое. Дождь, судя по всему, будет затяжной.

– Но на «Кагуле» будут беспокоиться.

– Предупредим телеграфом.

К полуночи между палубными надстройками уныло засвистел ветер. Спустя какое-то время по броне крейсера, словно молотом, ударила тяжелая волна... И еще... И еще... Крейсер стал плавно крениться то в одну, то в другую сторону. Каюта тоже словно ожила, в ней что-то закрипело, застонало, мелко зазвенело стекло.

Врангель поднялся со своей койки, подошел к иллюминатору и с трудом разглядел за ним раскачивающийся палубный фонарь, сквозь свет которого проносились косые потоки дождя. Больше ничего не было видно.

«Черное море еще покажет нам свой черный характер» – вспомнил Врангель слова адмирала Кедрова, сказанные им, едва эскадра покинула Севастополь.

Предсказание адмирала сбывалось.

Врангель долго нервно ходил по каюте. К нему никто не приходил. Михаила Уварова он отпустил еще засветло, и он, вероятно, спал у себя в судовой каютке. Уваров любил поспать. Это был, пожалуй, единственный его недостаток, с которым Врангель уже давно смирился.

В проблесках света от раскачивающегося фонаря, пробивающегося в каюту, Врангель заметил, что Котляревский лежит с открытыми глазами.

– Не спится? – спросил он.

– Думаю.

– О чем, позвольте узнать.

– Все о том же: об ответственности человека за тех людей, которые вручили ему свою судьбу. Я имею в виду полководцев. Вы всколыхнули в моей душе воспоминания о дальних и близких предках. У меня в роду было много полководцев. Мой дед часто рассказывал мне о своем деде – Петре Степановиче Котляревском, генерале от инфантерии и кавалере трех степеней ордена Святого Георгия. Так часто и так образно рассказывал, что мой далекий предок мне стал часто сниться. Я его словно воочию видел. Да-да, я наяву вижу его среди дыма пожарищ. Он стоит на берегу бурной грузинской реки Аракс. Предстоит опасная переправа. И он, подбадривая своих подчиненных, говорит: «Сколь ни отважным кажется предприятие мое, но польза, честь и слава от меня того требуют, и я надеюсь на помощь Бога, всегда поборающего русскому оружию». При взятии Ленкорани Петра Степановича отыскивали изувеченного и обезображенного. Уволенный из армии, «в язвах чести» (по выражению Пушкина), он тихо жил в уединении. С началом Персидской войны император Александр Первый вспомнил об отважном генерале и предложил ему командовать войсками. Прапрадед отказался. Незадолго до смерти он встретился с императором. Он открыл перед ним особую шкатулку и вынул оттуда сорок косточек, которые извлекли из его головы. «Вот причина, почему я не принял назначение Вашего Императорского Величества, – сказал он, – После Ленкоранского штурма я уже не смог служить Вам до гроба, Ваше Императорское Величество, Вашему Престолу и Отечеству. Это кости, которые вынули из моей головы после Ленкоранского штурма. Пусть они останутся Вам на память о моих страданиях».

– Такими предками вы можете гордиться, – сказал Врангель. – Но к чему вы вспомнили эту историю?

– К тому, что я горжусь своими предками, – улыбнулся Котляревский. – А вспомнилась она мне совершенно случайно.

– Нет-нет, – не согласился Врангель. – Что-то вы хотели мне этим сказать.

– В принципе, из каждой житейской истории можно извлечь полезный для себя вывод.

– Помилуйте, Николай Михайлович, ничего такого не приходит в голову. Подскажите.

– Мой раненый изувеченный прапрадед боялся, что император счел его трусом. И много лет, почти до самой смерти, жил надеждой, что когда-нибудь он лично изложит причину своего неповиновения. Это хорошая история о силе человеческого духа. К вам она не имеет никакого отношения. Разве что... Я много лет знаю вас. А сегодня с трудом вас узнал. У вас потухли глаза. Что, разуверились в себе?

– Помнится, кто-то сказал: «И у героев тоже есть предел». Я обращался к правительствам нескольких государств с просьбой хотя бы на время приютить мою армию. Ни одного ответа.

– Но Франция...

– Она тоже промолчала. Пока, правда, договорилась с Турцией о предоставлении нам временного пристанища. Но надолго ли? А ведь армию надо не только разместить, но и прокормить. А это примерно четверть миллиона человек. Я пообещал отдать за это находящийся в моем распоряжении весь Российский флот. Но твердого обещания от французов я пока не получил. Вот уж сколько времени совещаются, консультируются. А я выгляжу собакой, которую выгнали со двора. Они что, хотят поставить меня на колени? Хотят, чтобы я преданно заглядывал им в глаза? Этого не будет!

– Ну, вот! Теперь я вижу того Врангеля, которого знал все эти годы! – оживившись, воскликнул Котляревский. – Такой Врангель способен на решительные поступки. Ваши подчиненные ждут их от вас. Поймите, Петр Николаевич, для них сейчас имеют значение не только ваши слова, но даже интонация, взгляд. За вашей спиной не только солдаты и офицеры, но и женщины, старики, дети. Сегодня там, в кают-компаниях, вы об этом, кажется, забыли.

– Спасибо за эти слова, Николай Михайлович. Они были мне действительно очень нужны, – тихо и проникновенно сказал Врангель, взгляд его потеплел.

– Вы еще молоды, Петр Николаевич. И кто знает, какие еще подвиги предстоит вам свершить. Кстати, спасение армии – это тоже подвиг, который останется в анналах истории.

– Во всяком случае, я сделал то, что было в моих силах и в моем понимании о чести.

– Вот и славно, – мягко поддержал Врангеля Котляревский. – Вот все и встало на свои места. А хорошие новости, они не за горами. Они придут не сегодня, так завтра.

– Вы полагаете?

– Я знаю. Я там, во Франции, разговаривал со многими правительственными чиновниками, они симпатизируют нам, – и, немного помолчав, он добавил. – Я думаю, к весне, и уж как крайность к лету вы вновь обретете Родину. Смута сама по себе сойдет на нет.

– Почему вы так думаете?

– Я – историк и знаю не только историю России. Назовите мне примеры, когда бунтовщики удержали бы власть. Булавин, Разин, Пугачев? Ах, да! Вы назовете мне Парижскую коммуну? Семьдесят два дня – и все закончилось плахой. То же самое будет и у нас. Ну, может, не семьдесят дней, может, сто или двести. Просто наш российский бунт вовлек в свою орбиту намного большее количество людей. Не сбрасывайте со счетов и наши российские просторы. Чтобы удержать на них власть, нужны мыслящие люди, управленцы, интеллигенция. А они все на нашей стороне. Если же кто и остался у Советов, они не симпатизируют новой власти. Нет-нет, несколько месяцев – и государство Советов рухнет. Оно не сможет нормально функционировать, поскольку для его управлением нужны иные люди, а не те, кто умеет хорошо стрелять.

Врангель вопросительно посмотрел на Котляревского:

– Я так понял, что все произойдет само собой, и мое стремление к сохранению армии не имеет большого смысла?

– Напротив. Именно вы начнете освобождение России от бунтовщиков. И поверьте, когда власть Советов начнет рушиться изнутри, ваше возвращение будет не столь трудным и кровавым. Вам достанутся полицейские функции.

– Ах, если бы все случилось так, как вы предсказываете! – вздохнул Врангель. – Хотя примерно таким и я представлял себе наше возвращение.

– А иначе и быть не может, – утешил его Котляревский. – Но давайте спать. Все проблемы мы все равно не обсудим. Будет все так, как должно быть!

Они забрались в свои постели, укутались одеялами.

Тонко свистел и уныло завывал в корабельных снастях и надстройках свирепый ветер. Крейсер мерно раскачивался, потоки воды обрушивались на его нижнюю палубу и с пенным шумом низвергались по бронированной обшивке вниз, в море.

– Хотел бы я знать, что принесет нам завтрашний день? – удобнее укладываясь, сказал Врангель. – Похоже, Черное море решило показать нам свой скверный характер.

Котляревский не ответил.

Врангель еще немного поворочался, повздыхал и тоже уснул.

Глава третья

– Сыпал снег буланому под ноги,
С моря дул холодный ветерок.
Ехал казак дальнею дорогой,
Завернул погреться в хуторок...

Врангель проснулся и довольно долго вслушивался в завывание ветра. А потом в звуки непогоды вдруг вплелась эта песня. Голос был молодой, чистый, но звучал он тягуче, печально.

Было еще сумеречно. Но небо уже посветлело. Шторм продолжался с прежней силой.

– Встренула хозяйка молодая,

Как встречает родная семья...

– Чего горло здесь дерешь! – прервал пение властный, с хрипотцой, голос, вероятно, вахтенного.

– А что, нельзя?

– Здесь нельзя! Иди вниз, там надрывайся сколь хочешь!

– А мне здесь сподручнее.

– Дура! Тут их превосходительство почивают! А ну как разбудишь...

Удаляясь, прозвучали шаги – сначала по палубе, потом по металлическому трапу. Стихли голоса.

Врангель с легкой досадой пожалел, что так и не узнал, что же дальше случилось с тем казаком в незнакомом ему хуторке.

Котляревский поворочался, что-то промычал во сне и с головой укутался одеялом.

Врангель тихо оделся и вышел на палубу.

Дождь кончился, но ветер дул холодный, порывистый. Море было темное, неприветливое. Тяжелые, отливающие холодным блеском волны медленно надвигались на крейсер и шумно дробились о его бронированные борта.

Крейсер лежал в дрейфе.

Врангель прошел в капитанскую рубку, капитан сидя курил. При виде Врангеля поднялся.

– Доброе утро, – мрачно поздоровался Врангель.

– Не сказал бы, – не согласился капитан и погасил в пепельнице папиросу. – Здравствуйте, ваше превосходительство!

– Что нового у нас?

– Ничего хорошего. Еще с ночи собираем до кучи эскадру. Раскидало по морю. Часть керченских плыли черт знает на чем. На такой посуде в пруду, и то плавать опасно. Начали тонуть. Пришлось спасать людей, пересаживать. А всю эту мелочевку – баркасы, парусники, самоходки – пришлось затопить. Семь корыт.

– Все?

– Потерялся эсминец «Живой». Тоже ночью. Шел на буксире у «Херсона», лопнул трос. И вот уже третий час ищем. Катера, тральщики задействовали. Пока ничего утешительного.

– Может, тоже трос топором? – спросил Врангель.

– Нет-нет. Перетерся и оборвался. Никаких сомнений.

Вскоре из серых утренних сумерек вынырнул катер Главнокомандующего. Он зашел к крейсеру с подветренной стороны. Матросы проворно его закрепили, помогли генералу Кутепову и адмиралу Кедрову подняться на борт крейсера.

Врангель пошел им навстречу.

Кедров стал докладывать о ночных происшествиях, в частности, об эсминце «Живом».

Еще во время загрузки судов капитан первого ранга Потемкин выразил Кедрову сомнение, что старый эсминец вряд ли выдержит переход до Константинополя. Особенно, если, неровен час, начнутся штормы.

Но времени на ремонт уже не было. И надеяться тоже уже было не на что. «Живого» загрузили, как и остальные суда, сверх всякой меры – двести пятьдесят человек, главным образом казаков и офицеров Донского корпуса. Перестраховываясь, решили, что «Живой» пойдет не своим ходом, а его будет буксировать мощный транспорт «Херсон». Учли, казалось бы, все. Забыли или не успели проверить только буксировочный трос. На «Живом» он был старый, состоящий из нескольких кусков.

Заканчивая свой доклад, Кедров сказал:

– Полагаю и надеюсь, что «Живой» своим ходом придет в Константинополь. Если же погибнет, осознавая свою вину, готов предстать перед военным судом.

– Ну, о суде, буде такая угроза над вами повиснет, поговорим потом, – насупился Врангель. – Что можно предпринять еще сейчас?

– Думаю, мы уже исчерпали время на поиски. Сейчас мы уже рискуем всей эскадрой.

– Вы имеете в виду большевистские подводные лодки?

– Не только. Но и их тоже.

Врангель вопросительно посмотрел на Кутепова, но тот промолчал.

– Ну, что ж... – не дождавшись ответа Кутепова, тихо сказал он. – Будем надеяться, Господь не обойдет их своею милостью.

Кедров прошел к рубке, сказал стоящему у двери и ожидающему дальнейших указаний капитану:

– С Богом!

Капитан ушел в рубку, звякнул судовой телеграф. Тот час заработали судовые двигатели и крейсер, набирая скорость, стал резать носом на него набегающую и все еще крутую волну.

Врангель обернулся, посмотрел назад. Из рваной серой утренней мороси за «Генералом Корниловым» тянулась вся эскадра. Друг за дружкой тянулись миноносцы и крейсера, броненосцы и ледоколы, транспорты, пароходы и плавучие мастерские. Шла в этом кильватерном строю даже подводная лодка с диковинным для черноморских судов именем «Тюлень».

Серьезных потерь до самого Константинополя эскадра больше не претерпела, кроме разве что грустных приключений самоходной баржи «Хриси». Во время посадки солдат и офицеров она находилась в ялтинском порту, но как на судно на нее никто не обращал никакого внимания. Но когда все суда уже были загружены, а на берегу еще оставалось большое количество боящихся плена солдат, взгляд генерала Драценко упал на эту старую плоскодонную посудину. После небольших препирательств с владельцем и одновременно капитаном баржи греком Паскуриди Драценко усадил на «Хриси» всех остававшихся на берегу.

Два дня она шла вместе со всей эскадрой, а на третью ночь, когда начался шторм, она, как и эсминец «Живой», исчезла. Но ее с трудом нашли. И выяснилось: оторвавшись в темноте от эскадры, она держала путь строго на Одессу. Решили, что Паскуриди хотел вернуться к большевикам. Оказавшийся на борту «Хриси» генерал-лейтенант Римский-Корсаков свершил скорый суд и приказал Паскуриди расстрелять.

После того как мертвое тело Паскуриди оказалось за бортом, выяснилось, что грек ни в чем не был виноват. Во время погрузки солдат и офицеров на баржу кто-то поставил неподалеку от руля два «максима» и еще кучу какого-то железа. Пока погода благоприятствовала эскадре, все шли в едином строю, не особо обращая внимания на некоторые погрешности в показаниях компаса. В ночь, когда разыгрался шторм, Паскуриди вдруг не обнаружил поблизости кораблей. Что делать? Он был опытным мореходом, много раз вдоль и поперек избороз-

дил Черное море и был уверен, что сумеет самостоятельно привести баржу в Константинополь. Он только не догадывался, что его компас врет.

Когда «Хриси» обнаружили, она уверенно шла на Одессу. А причину, почему врал компас, выяснили уже тогда, когда Паскуриды не было в живых.

Из-за нехватки продовольствия и пресной воды эскадру постигла еще одна беда. Люди ели селедку, которой было вдосталь, и запивали морской водой. И уже через сутки всю эскадру поразила желудочная болезнь. Многие не успевали добежать до судового галюна и испражнялись прямо на палубе. Все трюмы тоже были загажены. К этой напасти, когда заштормило, добавилась еще одна напасть: морская болезнь. Большинство эвакуированных с трудом могли передвигаться и рвотными массами заливали каюты. Повсюду на эскадре стоял невыносимый смрад.

Во время доклада Врангелю Кутепов объяснил, что Крым всегда страдал из-за нехватки продовольствия. Ко времени исхода армии из Крыма местные жители разграбили почти все продовольственные склады и припрятали все, что можно было припрятать. И то количество продуктов, на которое рассчитывали, снабженцам достать просто не удалось.

– Ну, а вода? Уж питьевой водой могли запастись вдоволь, – мрачно сказал Врангель.

– Питьевой водой не запаслись по другой, но тоже уважительной причине.

И Кутепов объяснил, что в последние часы эвакуации возникла нешуточная дилемма: или взять вдосталь воды и оставить на берегу часть людей, или обойтись самой малостью воды, но не оставить противнику ни одного человека из тех, кто заявил желание выехать. Решение на всех судах принимали в пользу людей: путь до Константинополя казался не таким уж дальним и недостаток воды можно перетерпеть.

– Я тоже стоял на этом. Еще сутки-двое – и, даст Бог, мы сойдем на берег, – закончил свой доклад Кутепов.

– Будем надеяться, – бесцветным голосом согласился Врангель. И что-то вспомнив, спросил: – Слащёва-то отыскали?

– Да. Доставили на «Тверь».

– Ну, и как он воспринял прибавление семейства?

– Молча. Потом, правда, спросил: «Мальчик?» Мы ему сказали, что девочка. Больше он не проронил ни слова.

– Надеюсь, поздравили от моего имени?

– Да, конечно. Но он никак не отреагировал. Видимо, всё же расстроился из-за девочки.

– Ничего, он и девочку вымуштрует в своем духе. Он это умеет, – Врангель скупно улыбнулся. – Свою жену, «юнкера Нечволодову», вон как отмуштровал. Я сам видел, как она саблей орудует. Двух казаков за пояс заткнет. В бою всегда рядом с ним! – и, кивнув, он молча пошел по палубе.

Слащёва новость о том, что Нина родила, и верно, огорошила. По всем их подсчетам, ребенок должен был родиться не раньше, чем через месяц. И по поводу пола ребенка она тоже обманулась: по всем бабьим признакам и поверьям выходило, что должен родиться мальчик.

В тихие минуты Слащёв иногда думал о будущем мальчике и представлял себе эдакого сорванца, с такими же рыжими вихрами, какие были у него в детстве, и с вечно разбитыми и исцарапанными коленками.

Старый денщик Пантелей откуда-то узнал, что к жене на «Тверь» наконец-то прибывает Яков Александрович, и поторопился на нижнюю палубу его встречать. Увидел его еще издали по его странному одеянию. Ментик он потерял или оставил где-то на «Илье Муромце» и сейчас стоял в расшитом шнурами красном доломане.

Слащёв тоже увидел Пантелея и даже не сразу его узнал. Он стоял возле трапа, сильно похудевший, со впалыми щеками, с жеваным морщинистым лицом. Отступление, эвакуация и

его зацепили своим черным крылом. Соблюдая устав, старик сколько возможно вытянулся и радостно «ел» глазами своего подопечного.

– Здрав желаю, ваш дитство! – во всю мощь своего старческого голоса гаркнул он и закашлялся. Откашлявшись, уже тише, с легким упреком, сказал: – Заждались, как жа! Три дни носа не кажете. И Нина Николавна...

Слащёв, хлопнув ладонью по плечу, оборвал его упреки:

– Здравствуй, старый греховодник! И не причитай! Я уже все знаю.

– А одежда – срамота. Одели б свое, генеральское.

– Веди молча! И не болтай! Разжалую!

На «Твери» было, как и на «Илье Муромце», все загажено, заплевано, стоял удушающий смрад. И повсюду, на палубах и в узких коридорах, сидели и лежали эвакуированные военные и гражданские, родственники военных и родственники членов пароходной команды. Лица почти у всех были изможденные и зеленые от недоедания, морской болезни и тесноты. Теснота была такая, что прежде чем переставить ногу, надо было предупредить того, кто сидел или лежал, чтобы он на мгновение слегка потеснился.

Старый Пантелей семенил впереди, время от времени предупреждая слегка покрикивал «Посторонись!» и вопреки приказу Слащёва идти молча иногда оборачивался и докладывал домашние новости:

– Сперва на «Руси» в трюме поместили. Нина Николавна зачала задыхаться. Я им сказал: Яков Лександрыч прибудет, всех вас постреляет. Спужались. На «Тверь» перевели, тут лучшее, тут у нас каюта и в окошко море видать. А для меня поблизости каютерку определили.

Они поднялись по железной винтовой лестнице в коридор верхней палубы, пошли по нему.

Здесь было немного чище, хотя и здесь была теснота, и от голода и морской болезни страдающих тоже было предостаточно. Они сидели и лежали вдоль стенок кают, образовав узкий проход.

Им навстречу шла дородная дама в горностаевой накидке, ведя на поводке белую пушистую крошечную собачку. Не доходя до них, собачка обнаружила что-то для себя интересное, но дама дернула ее за поводок и строго сказала:

– Зизи, не смей!

Пропуская даму, они отступили к стене. Собачка, проходя мимо Слащёва, вдруг встала на задние лапы и, привычно что-то выпрашивая, радостно залаяла.

– Зизи, как не стыдно! Прекрати! – снова прикрикнула на собачку дама и, удивленно разглядывая странное одеяние Слащёва, сказала: – Зизи очень любит военных. Мой муж – тоже генерал.

– Здравствуйте! Очень приятно, – учтиво поклонился Слащёв, и они разошлись. Когда дама с собачкой удалилась, Пантелей сообщил:

– Графиня Соболевская. Наши соседи. Занимают каюту капитана «Твери».

– Завидуешь?

– Жалею генерала.

Пошли дальше. Пантелей в который раз обернулся:

– А какая красивая, ваш дитство. Верите-нет, я как первый раз ее увидел...

– Ты про собачку?

– Та ну вас! Я про дите. Ну чистый ангелочек!

– Девка?

– Ага. Девонька. Махонька, волосики рыженьки, а глаза, ну, прям як... – на мгновение он смолк, не сразу найдя сравнение. – Знаете, прям як у нашего филина Яшки.

– Что? Опять со всех севастопольских свалок живность насобирали? – сердито нахмурился Слащёв.

– Та не! Только наших старых вывез: кота Барона и филина Яшку, – стал оправдываться Пантелей. – Но оны не в каюти. Оны при мне, в каптерки.

– То-то же! А то еще микробов занесут, – сердито вразумил Пантелея Слащёв.

Возле двери одной из кают Пантелей остановился. Из-за двери донесся тихий детский плач.

– Тут оны, – пальцем указал на дверь Пантелей.

Слащёв резко распахнул дверь и увидел склонившуюся над деревянной коробкой, заменяющей колыбельку, Нину. Она подняла голову, и Слащёв не сразу узнал ее: худая, осунувшаяся, с синими кругами вокруг глаз, увидев Якова Александровича, она посветлела лицом, хотела броситься к нему, но он опередил ее и строго спросил:

– Почему дите плачет?

Иначе представляла себе Нина эту встречу. Она поникла головой и растерянно ответила:

– Молока нету.

– Как это – нету? А сиськи?

– Пустая грудь. Третьи сутки на хлебе и воде. И того не вдоволь. Откуда ж оно возьмется, молоко, Яша?

– Так! Все ясно! – решительно сказал Слащёв, и Нина поняла, что он тот час же уйдет, чтобы что-то где-то добыть: молока ли, хлеба. Он был человек действия.

Нина опередила его:

– Хоть подойди до дитяти, поздоровайся. Твоя она. На всю жизнь, до смерти твоей, твоя.

– Девка, – сказал он с некоторым укором.

– Девочка, – Нина заметно ошетибилась. – Ну и что?

– Ну, и ничего, – он шагнул к Нине и широко заулыбался, – Я рад, что девка! Я хотел девку, – он обнял ее. И она, кутая голову в полы его френча, вдруг заплакала. В голос. Громко.

– Ну, ты чего? Ты чего? – стал растерянно бормотать он.

– Я боялась, – всхлипывая, она подняла на него глаза. – Ты ведь мальчишку хотел.

– Не имело значения, – и, встав на носки и лишь слегка позванивая шпорами, он осторожно подошел к колыбельке. Заглянул в нее.

И крохотная девчушка, до этого мгновения обессиленно хныкавшая, словно ощутила этот святой момент встречи с тем, кто дал ей жизнь. Она вдруг смолкла и уставилась на Слащёва своими чистыми голубовато-серыми глазами. И долго, не мигая, на него смотрела.

– Смотри! Узнала! – пошептала Нина. – Правда, она узнала тебя.

– Что ж тут! Моя кровь. Это мы только сейчас встретились, а так... я ж давно ее люблю, – косноязычно и растерянно шептал Слащёв и, подняв на Нину глаза, спросил: – Так, говоришь, молоко?

– Да где ж ты его тут, среди моря, найдешь! Хоть чего бы ни то! До Константинополя бы не померла! А там...

Слащёв понял. Он решительно рванул дверь каюты и увидел Пантелея: тот, видимо, подслушивал встречу хозяина с хозяйкой.

– Стой здесь! Охраняй! – приказал Пантелею Слащёв.

– Вы бы энто... людей не пугали. Скинули б заграничное. Я вашу одежду... На крючечке висит.

Слащёв неожиданно послушался Пантелея. Он торопливо и сердито переоделся и вышел.

Спустившись вниз, на нижнюю палубу, он стал пробираться по тесно заполненному чихающими, кашляющими и стонущими людьми узкому длинному коридору. В большинстве своем это были солдаты. Они сидели под стенками, вытянув в проход ноги: это была единственная поза, позволявшая в корабельной скученности хоть немного отдохнуть. Совсем обессиленные от недоедания и морской болезни, засыпая, они сползали по стене вниз и, перегораживая кори-

дор, укладывались на полу, прижимая к себе карабины. Через таких приходилось осторожно переступить.

Слащёв вглядывался в усталые обреченные лица, выискивая, к кому бы можно было обратиться, если не за помощью, то хотя бы за советом.

Но люди сидели с закрытыми глазами. Они не спали, а забывались в полудреме. В таком состоянии лучше коротается время: оно движется быстрее, и желудок не так тревожит голодной сосущей болью.

Среди этих дремлющих, ко всему безразличных людей Слащёв выделил смугловатого мужчину. Он не спал и даже с некоторым удивлением и любопытством рассматривал невесть как оказавшегося здесь, в трюме, седого генерала.

– Не подскажите, нет ли здесь, среди беженцев, врачей? – спросил у него Слащёв.

– Раненый? – отозвался мужчина.

Если бы на месте Слащёва здесь, на «Твери», оказался Кольцов, Красильников или, на худой конец, даже Жихарев, они бы узнали этого солдата. Это был Андрей Лагода. Тот самый Лагода, который совсем недавно был приговорен «тройкой» феоdosийских чекистов к смерти и был расстрелян, но чудом выжил. Затем несколько суток он пробыл в плену у бандита Жихарева и был внезапно освобожден группой Кольцова. Как оказался Лагода на крейсере «Генерал Корнилов», а потом на «Твери» не знал никто, кроме начальника Особого отдела ВЧК Менжинского.

Во время бегства армии Врангеля из Крыма Менжинский резонно подумал, что на этом война, во всяком случае для чекистов, еще не закончилась, и очень скоро многих высших должностных лиц будет интересоваться, что происходит там, в белогвардейском лагере. И за ответом обратятся к нему. Поэтому он решил заранее подстраховаться. Лагода был один из тех, кого Менжинский уговорил затеряться среди отступающих белогвардейцев, прижиться среди них и стараться ничем не выделяться, не возбуждать к себе ничей интерес.

– В нужное время с вами свяжусь.

– Надолго ли это? – спросил Лагода у Менжинского.

– Может быть, на месяц. Возможно, даже на год. Но вы будете постоянно находиться в поле нашего зрения. И я обещаю вам, что при первом же удобном случае или даже по вашей просьбе я тут же вас отзову.

Лагода согласился.

И вот он рассматривал взволнованного генерала. Похоже, у него случилось что-то серьезное, он нуждается в помощи.

– Если у вас кто-то раненый, могу предложить медпакет.

– Нет-нет, спасибо, – генерал тронулся дальше, но вдруг остановился, с отчаяньем объяснил: – Ребенок родился. Три дня всего. Молоко бы найти, – и спросил: – У вас есть дети?

– Сын. Только без меня родился. Не довелось увидеть.

– Сочувствую вам, – сказал Слащёв и пошел дальше.

В конце коридора, в тупике, он увидел нескольких солдат и женщин. Они окружили молоденького священника, который что-то рассказывал. Его увлеченно слушали.

– ...И что вы думаете, пошел он по морю, аки посуху.

– Расступилось море? – ахнула одна из женщин.

– Нет. Просто пошел по воде. Пошел, как мы с вами, к примеру, по суше ходим.

– Чудо какое-то!

– А чудо это от твердости веры. Вот если твердо поверишь в то, что у тебя не море, а твердь – и свершится чудо. Только сперва в Самого поверь! А то мы ждем чуда, как яблочка на блюдечке. Нет, так не бывает.

Слащёв немного послушал священника, а затем обратился к нему:

– Великодушно извините, отче, что вклиниваюсь в вашу беседу. Совет нужен. А может быть, и помощь.

В трудные минуты загнанные обстоятельствами в угол люди охотнее отзываются на чужую беду, чем в спокойное сытое время. Смолк священник, и слушатели его тоже не прогневались, с некоторым любопытством и сочувствием уставились на стоящего перед ними растерянного человека, генерала. По тону, с которым он к ним обратился, люди поняли: у человека беда.

– Слушаю вас, мил человек.

– Такое дело! Жена только родила, а молока нет. В груди нет молока. Ребенок может помереть с голоду! Обессилел, кричать не может, только тихенько стонет, – изложил свою беду Слащёв и с отчаяньем добавил: – Хоть немного бы молока! Хоть стакан!

Ему не ответили. Опустив глаза, молчали. Наконец, поднялся священник, взял его за руку и с сочувствием, тихо и ласково сказал:

– Боюсь, никто вам не поможет. Если кто чем и запасся, то скорее всего хлебом.

– Нужно молоко! – твердо сказал Слащёв. – Всего три дня ребенку. Неужели ничего нельзя придумать? Ну, не молоко, так что-то подобное?

Священник понял: с находящимся в таком возбужденном состоянии человеком бессмысленно вести разговоры. Он не воспринимает сейчас никаких утешений. Он не слышит сейчас ничего, кроме того, что хочет услышать.

– Где вас искать? – спросил священник. – Точнее, где находится мама с ребенком?

– На второй палубе. Там вам скажут, – после чего Слащёв закричал: – Но она не может ждать! Она может умереть!..

Слащёв еще никогда в жизни, даже в самые трудные военные минуты, не испытывал такого отчаянья. Понял лишь одно: все они, каждый по-своему, находились почти в таком же безнадежном положении. Чем помогут они ему? Советом? Но ему не нужны советы. Ему нужно молоко.

И, не говоря больше ни слова, он свернул в другой коридор, пошел по нему. Шел, не глядя себе под ноги. Здесь было так же многолюдно и тесно. Видя этого, как сомнамбула бредущего человека, они невольно поджимались, подбирали под себя ноги.

Слащёв шел, походя и бесцельно пытаясь открыть попадавшиеся на его пути железные двери. Почти все они были заперты. Но одна вдруг поддалась, открылась. И он вошел в тесное сумеречное помещение. Крошечный иллюминатор почти не впускал сюда дневной свет, поэтому горел фонарь.

Слащёв увидел пожилого лысого человека с седыми вислыми усами. Похоже, он был из паровой обслуги, скорее всего из механиков. Стоя у верстака, он точил напильником какую-то зажатую в тиски железку.

Сам не зная почему, Слащёв присел на железный стул у верстака. Механик нисколько не удивился, лишь мельком взглянул на своего гостя и продолжил работу.

Спустя какое-то время механик вдруг пожаловался:

– Запчастей никаких. Машина в край износилась. На Божьей помощи идем. А ну как остановимся? Кто поможет?

Слащёв выслушал механика и в свою очередь пожаловался:

– И у меня тоже... дочка помирает.

Механик отложил в сторону напильник, внимательно поглядел на Слащёва, спросил:

– Болеет, что ли?

– Нет. Только родилась. Только три дня на свете пожила – и помирает.

– Так отчего же? Ей еще жить и жить.

– Молока, понимаешь, у жены нет. С голоду дите помирает. До Константинополя бы как-нибудь. Там больница, врачи. Там молока хоть залейся.

– До Константинополя тут всего ничего. Суток двое, не больше, – попытался утешить его механик.

– Для нее это целая вечность. В ней той жизни, как у воробья. Помрет.

– Ну что ты все заладил: помрет, помрет! – сердито проворчал механик. – Ты ж не один в море. Среди людей.

– Я тут одним рассказал. Посочувствовали, – что-то сдвинулось в голове Слащёва: стало отступать отчаяние, прояснялись мысли. – Что еще можно? Море кругом. И все голодные.

– Люди все могут!

Механик присел на соседний стул, и они так долго сидели молча. Слащёв понял, что ничего больше он здесь не высидит, поднялся.

– Ты куда? – спросил механик.

– Не знаю, – откровенно ответил Слащёв.

– Посиди.

– Некогда. Дите помирает.

– Не мешай! Я думаю.

Через какое-то время он сказал:

– Капусты бы кочан. Или яблок с десяток. У моей бабы, когда третьего родила, тоже молока не стало. От нервов, что ли. Так моя мать ей капустные листы к груди прикладывала. Или яблоки в кашу перетолочь, и тоже.

– Помогло? – поднял глаза на механика Слащёв.

– Девять год пацану.

– Ну да. Это, если от нервов. А от голода?

Механик задумался, потом решительно встал:

– Пошли.

Они долго шли по длинному трюмному лабиринту, заполненному голодными и больными людьми. В каком-то закутке механик остановился. В тусклом свете Слащёв увидел одетую в ватные одежды старуху, и возле нее такой же, тепло укутанный, ватный сверток, из глубины которого виднелись только два любопытных глаза. Старуха сидела прямо на железном полу, вытянув в проход ноги, руку держала на свертке.

– Ну, здравствуй! Как пацан?

– А че ему скоится! Отогрелся, хлеб сосет, чтой-то свое бормочет, – отозвалась старуха.

– Тебя звать-то как? Мужика твоего знаю, а с тобой не познакомился.

– Авдотья, – ответила старуха и насторожилась: – А че?

– Дите тут у ихней жены помирает. Третий день от роду.

– От болести? – коротко спросила старуха.

– Молока у барышни нету, с голоду. Что присоветуешь?

Старуха немного помолчала.

– С самых родов молока нету?

Механик вопросительно взглянул на Слащёва.

– С самых родов, – ответил Слащёв. – Третьи сутки девочке. Голодная. Сил плакать нет.

– Скверно! – изрекла старуха и, подумав, добавила: – Сахарю бы где достали. В води его распустить, пушай сосет. Можно хлебушка нажевать и тоже подсластить. Энто не спасение, но какое-сь время проживет.

– А дальше что, Авдотья? – взмолился Слащёв. – Помоги. Век не забуду.

– А мне ничо не надо. Смогла бы, рази отказала б? – и, немного подумав, добавила: – У меня молоко отошло, в аккурат, в вакуацию. Дня четыре назад. Мне б чего горяченького вдоволь поест, да с хлебушком, може, и возвернулось бы. У меня его много было, на землю сцеживать приходилось.

– Идем! – тронул Слащёва за рукав механик. – До капитана идем, до Анисима Михайловича. Он добрый, чем-нибудь поделится.

И уже через час Авдотья в камбузе хлебала флотские щи. Сняв с себя все теплое, она оказалась совсем не старухой, а статной светловолосой женщиной лет тридцати.

Механик, Слащёв и молоденький кок сидели напротив Авдотьи и смотрели, как она жадно ест. Ее распеленатый малыш лежал рядом с ней на скамейке, что-то сам себе говорил и, поднимая ногу, пытался дотянуть ее до рта.

– Ты – с хлебушком, с хлебушком, оно сытнее! – участливо подсказывал парходный кок, подсовывая Авдотье все новые куски хлеба.

Но Авдотья ела все медленнее, ленивее и, наконец, облизав ложку, отложила ее в сторону.

– Ты вот что! – сказал кок. – Ты часок походи и возвращайся. Не стесняйся. Я тебе еще макароны по-флотски. Мужик у тебя, слышал я, тоже флотский?

– Он – на «Кагуле». При машине. Ему не до нас. У их там начальствие плывет, строгости.

– Хоть знает, что ты при эскадре?

– Сообчала. А передали чи нет – не знаю. Може, думает, у большевиков осталась.

– Ну, и сидела бы дома, в тепле да сытости. Большевики тебя вряд ли бы тронули, – сказал механик. – А как солнышко бы пригрело, мы тут как тут.

– Нешто можно так, не по Святому Писанию? – покачала головой Авдотья. – Куды голка, туды й нитка. Так в Библии прописано.

– Мы ж не надолго. На месяц-два. Горячее бы встретились, – добавил кок.

– Не, не по-христиански так-то. Нельзя.

Когда Слащёв собрался уходить к себе наверх, кок налил в металлический судок щей, отрезал увесистый ломоть от буханки.

– Отнесите своей жинке, извините, не знаю, как вас величать.

– Да-да, забыл представиться. Слащёв.

– Как – Слащёв? Тот самый? – удивленно переспросил кок.

– А что, есть еще другой?

– Яков Александрович? – кок смотрел на Слащёва широко открытыми глазами, в них светилось восхищение. – Сколько раз слышал!

– Полагаю, ничего хорошего?

– Наоборот! Не знаю, как там у вас, промеж начальства, а промеж солдат... да что вы! Только самые лучшие слова! Как вы под оркестр в атаку ходили, и другое разное!

– Спасибо на добром слове. И за это, – Слащёв указал глазами на судок и завернутый в тряпицу хлеб. – Это тоже дорогого стоит.

– Та чего там, ваше превосходительство! Прокормим до Константинополя. Будем надеяться, и дите ваше выживет, станет вам утешением в старости. Я вам для дочки еще сахарку отсыплю.

Он открыл шкафчик и совочком насыпал в кулечек сахару. Подумал, подсыпал еще.

Загруженный всем этим добром, Слащёв направился к двери камбуза.

– Еще пару слов, ваше превосходительство! – остановил его кок, сияющий от нахлынувшего на него восторга.

Слащёв обернулся.

– Я что еще хочу сказать! Мы хоть и в море, хоть и расплевались с большевиками, а все равно – Россия. И если не истребим друг дружку, то снова к себе вернемся. Ну, может, не мы, так хоть наши дети. И Авдотин сын, и ваша дочка. Без нас, без наших детей, Россия, как бы это сказать, не в полном комплекте. Или я что-то не так понимаю? Вот вы, в высоком генеральском звании, все изучили, про все знаете, скажите, правильно я мыслю своими камбузными мозгами?

– Тебя как звать? – спросил Слащёв.

– Семеном нарекли.

– У тебя, Семен, государственное мышление. Ты, верно, стихи пишешь?

– Пробовал. Пока не получается. Грамотешки, говорят, не хватает.

– Продолжай писать! Грамотность – дело наживное. У тебя получится.

– Вы думаете?

– Уверен.

– Вы на главный мой вопрос не ответили: что там, в верхах, про все это думают? Вернемся обратно? А то, знаете, у меня под Херсоном немощные родители. И брат, под Каховкой раненый. Тоже в помощи нуждается. Вот я и гадаю, как все будет? Вернемся или не вернемся?

– Непростой вопрос. Не хочу обманывать. Скажу тебе так: вернемся мы или не вернемся, а Россия есть и будет. Ты ждал другого ответа? Его у меня нет, – и Слащёв покинул камбуз.

Вернувшись в каюту, Слащёв хотел поставить на узкий столик судок со щами и, к своему изумлению, заметил, что едва ли не весь столик завален свертками, кулками и кулечками. Из них выглядывали картофелины и луковицы, яблоки и морковины, рассыпной сахар и голубоватый кусковой рафинад, краюхи хлеба и белые сухарики, которые еще несколько дней назад были булочками. Чуть отдельно на расстеленной холстине лежал даже небольшой кусочек сала.

– Что это? Откуда? – удивленно спросил Слащёв.

– Люди принесли, – ответила Нина и затем уточнила: – Сперва что-то принес судовой священник, назвался отцом Антонием.

– Молодой священник?

– Лет двадцать пять, может, чуть больше. И другие тоже что-то принесли. Я отбивалась, говорила: нам столько не надо. А они молча ставили и уходили.

Слащёв вспомнил сегодняшний разговор в камбузе. Вот и ответ: где еще есть такая страна, где люди, голодая, делятся последним?

– Кормила чем-нибудь?

– Сахар расколотила, и из пипетки, как котенка. Глотала.

Слащёв прошел к картонной коробке, склонился над дочерью. Девочка спала.

– Может, все же продержимся до Константинополя, – с надеждой сказал он.

– Боюсь, – ответила Нина. – Ей молоко нужно.

– Будем надеяться на лучшее. Даст Бог, продержимся два дня на жвачке и сиропе. Всего два дня.

Ночью в каюту кто-то настойчиво постучал.

Слащёв вскочил с койки, зажег лампу и открыл дверь. На пороге стояла Авдотья.

– Входи! – обрадованно сказал он. Чуть было сразу же не спросил, как она себя чувствует, не пошло ли молоко. Но по ее деловому виду догадался: то, на что он надеялся, случилось.

Слащёв стал молча наблюдать за Авдотьей.

Она же села на стул и стала расстегивать тесный жакет. Нина удивленно смотрела на незнакомую женщину и постепенно начинала догадываться.

– Отвернись! Бо ослепнете! – грубо прикрикнула она на Слащёва.

Слащёв послушно стал лицом к стенке и даже почему-то закрыл глаза. Теперь он лишь слышал звук расстегиваемых пуговиц, шелест одежды, затем хлопанье воды.

– Ну, давайте маленьку! – приказала Авдотья уже Нине. И после того, как Нина передала ребенка, Авдотья радостно запричитала: – Ой, яка ж краси-ивенька! Ну, чистый ангелочек!

Авдотья приложила ребенка к груди, и девочка жадно впилась в нее губами.

Слащёв прожил большую жизнь, слышал чарующую музыку и много разных волшебных звуков, но таких... Ребенок чмокал, сопел, сосал, захлебывался, откашливался и снова тихо, с урчанием, сосал.

Нина Николаевна стояла возле Авдотьи и с благоговением наблюдала за кормлением своего ребенка. Первым кормлением.

А Слащёв, по-прежнему стоя лицом к стене, вслушивался в эти божественные звуки, и по его обветренной щеке медленно стекала предательская слеза. Этот суровый человек, боевой генерал, прошедший все войны, которые выпали на его век, впервые за долгие годы не смог сдержать своих чувств...

Глава четвертая

До турецких берегов оставалось всего ничего, несколько часов пути. Шторм прекратился так же внезапно, как и начался, оставив на море лишь легкую зыбь и теплый слабый ветер.

Как предвестницы близкого берега над растянувшейся эскадрой появились сварливые чайки. Они носились высоко над мачтами, обещая хорошую погоду.

Занималось утро, когда со стороны Турции из серой рассветной дымки возник тяжелый французский корабль «Вальдек Руссо». Он быстро приближался и, сделав крутой маневр, пришвартовался к «Генералу Корнилову».

Предупрежденный капитаном, Врангель спустился вниз, чтобы встретить гостей. На борту «Вальдека Руссо» к нему прибыл давно и хорошо знакомый Командующий морской дивизией Леванта контр-адмирал Дюмениль и Верховный комиссар Франции граф де Мартель. С ними также находился неизменный переводчик адмирала месье Сорбье.

– Здравствуйте, генерал! – помахал Врангелю адмирал Дюмениль. – Извините, плохо дали вам спать.

Сорбье улыбнулся неуклюжему русскому адмирала и перевел точнее:

– Господин адмирал извиняется, что своим ранним визитом они с комиссаром нарушили утренний сон.

– У меня бессонница, – буркнул Врангель. – Скажите, пусть поднимаются на борт.

– Они предлагают пройти к нам. У нас уже готов утренний кофе.

– Благодарю.

Врангель обернулся. За его спиной стоял адъютант Михаил Уваров. Он, вероятно, даже не успел умыться и сонными глазами смотрел на Врангеля, ожидая распоряжений.

– Микки, с таким выражением лица не ходят в гости. Идите, досыпайте. Вы мне пока не понадобятся.

Врангель, поддерживаемый двумя французскими матросами, перешел на «Вальдек Руссо». Здесь его подхватил под руку адмирал Дюмениль, стал что-то говорить ему по-французски.

– Господин адмирал и комиссар рады приветствовать вас и вашу армию в Турции. Да-да, это уже турецкие воды.

– Правда? – улыбнулся Врангель. – А вода ничем не отличается от русской.

– У вас хороший юмор, – сказал Сорбье. – Это не я сказал. Это отметил господин комиссар. Они поздравляют вас с завершением очень тяжелого этапа в вашей жизни.

– Вот уж с чем не следует поздравлять. Лучше выразить соболезнование. Во всяком случае, я чувствую себя, словно на похоронах.

– Вас можно понять, – перевел слова адмирала Сорбье. – Но господину адмиралу больше нравится другое русское выражение...

– Есчо не увечер, – по-русски произнес Дюмениль.

– Только на это я и надеюсь, – согласился Врангель.

Они вошли в салон, где их ждал весь накрахмаленный белоснежный кок и похожие на модных манекенов два юных стюарда.

– Виски, коньяк, водка? – спросил комиссар.

– Насколько я помню, французы начинают утро с кофе, – поморщился Врангель.

– Но мы чтим русские традиции.

– У русских нет такой традиции. Это болезнь, которая передается из поколения в поколение.

– Она неизлечима?

– Отчего же? Вполне излечима. Достатком. Которого в России, к сожалению, почти никогда не было.

Они уселись за стол. Стюарды молниеносно поставили перед ними подносы с кофе, круасанами и джемом и незаметно исчезли.

Какое-то время все четверо молча завтракали. Затем Врангель поднял глаза на комиссара Мартеля:

– Вы, кажется, только из Франции? Поделитесь новостями.

– Я так понимаю, вас больше всего интересуют новости, касающиеся вас и вашей армии? Не далее как три дня назад я доверительно разговаривал с министром иностранных дел господином Барту. Он изложил мне позицию французского правительства по поводу всех последних наших событий.

– Интересно послушать.

– Никаких сюрпризов. Все в пределах прежде оговоренного, – развел руками Мартель: – Франция оказывает вам и вашей армии, ваше превосходительство, всю возможную помощь. Но... но время несколько изменилось. Франция, как вам известно, была вынуждена признать да-факто советское правительство. Следовательно, и наша помощь вам должна соответствовать этой договоренности.

Мартель говорил четко, словно читал заранее написанное. Вероятно, он готовился к этой встрече с Врангелем и уже неоднократно прорепетировал свою речь.

– И что бы это значило? – спросил Врангель.

– Для вас ровным счетом ничего. Для нас... для нас: быть крайне осторожными во всех своих действиях.

– Слишком туманно, – сказал Врангель. – Давайте только несколько уточним наши общие позиции. Прежде всего, я хотел бы знать, все ли лица, эвакуированные вместе со мной из Крыма, поступают под покровительство Французской Республики?

– Вне сомнений, – поспешно согласился комиссар. – И все же, хотелось бы еще раз уточнить, что вы, ваше превосходительство, под этим подразумеваете?

– Мы с вами там, в Крыму, все это уже однажды оговаривали. Но мне не трудно повторить, – настойчиво сказал Врангель. – Ну, прежде всего, необходимо всех русских эвакуированных – как военных, так и гражданских – обеспечить пищей и кровом, всем раненым и больным оказать медицинскую помощь.

– Это не подлежит сомнению, – согласился комиссар.

– Далее, – продолжил Врангель и на мгновение смолк.

Во время последних боев и позже, при погрузке армии на корабли, Врангель долгими бессонными ночами мечтал о том, как он не только сохранит в неприкосновенности свои воинские подразделения, но и соберет в единый кулак все разбросанное по зарубежью российское воинство. Весною с удвоенными силами он собирался снова вернуться на Российскую землю, но уже победителями. Эта мечта грела его душу. Он верил, что это возможно, хотя и требовало невероятных физических и нравственных усилий. Ибо потрясения, которые уже перенесла армия, бесславно покидая родную землю, были ужасны, неизвестность непредсказуема, лишения непереносимы. Но он надеялся, что пройдет короткое время, и он возродит армию в ее лучшем виде, способную вернуть России ту Россию, которую они покинули.

– Далее, – повторил Врангель. – Надеюсь, никто не станет вмешиваться в фактический строй армии и в ее воинскую дисциплину.

– Это ваша прерогатива, и на нее, как я понимаю, никто не собирается посягать, – успокоил Врангеля комиссар.

– Я о том, что ни моя армия, ни ее командование не должны оказаться в зависимости от какой бы то ни было политической или общественной организации.

Комиссар ничего не сказал Врангелю о последних напутственных словах ему министра иностранных дел Барту: нынешняя российская армия больше никому не нужна. Она должна незаметно раствориться. Как это ни прискорбно, но возникла новая, и отнюдь не слабая страна, советская, большевистская Россия, и этот факт в мировом раскладе, хочешь – не хочешь, придется учитывать.

– Да-да, – рассеянно сказал комиссар Мартель, все еще размышляя о разговоре с месье Барту.

– Отсылаю вашу память к новороссийским событиям, – продолжил Врангель. Разница между Новороссийском и Крымом в том, что на этот раз нам удалось избежать бесславного поражения. Не хочу и не имею права допустить, чтобы нас теперь лишили надежды на будущее, но и втоптали в грязь память о понесенных армией кровавых жертвах.

– Но ваши подвиги, равно как и ваши жертвы, никто не собирается умалять, – вклинился в разговор адмирал Дюмениль.

– Моя цель – не только сохранить физическую жизнь людей, но и в условиях изгнания вновь возродить русскую армию.

«Ну-ну, посмотрим, господин генерал, как это у вас получится» – подумал комиссар. Он вспомнил о не таких уж давних печальных событиях, касающихся русской армии. Во время Мировой войны против немцев в составе французской армии воевали четыре русских бригады, что-то около сорока тысяч человек. По окончании войны всех русских решили отправить на родину, на укрепление армии Деникина. Но у какой-то части солдат и офицеров к тому времени уже возникли иные планы: кто-то стремился попасть в стан большевиков, кто-то просто устал от войны, а кто-то уже прижился на чужбине. В Россию вернулись лишь пятнадцать тысяч, двадцать пять испарились в пути. Армию Деникина пополнили всего лишь четыре тысячи.

«Боюсь, такая же участь постигнет и вашу армию, господин генерал», – подумал комиссар. Вслух же сказал:

– Не стоит повторять уже однажды оговоренное. Давайте перейдем к конкретике. Лучше меня об этом доложит вам адмирал Дюмениль.

Адмирал пододвинул к Врангелю оперативную карту.

– Где-то через пару часов войдете в устье Босфора. Пройдете по нему через Константинополь и частично поставите флот на временный отстой вот здесь, в заливе Мод, частично вот здесь, у Принцевых островов, – водил пальцем по карте Дюмениль. – Это не надолго, пока соберется вся эскадра.

– Ну, а дальше? – поинтересовался Врангель. – Как французская сторона представляет наше дальнейшее будущее?

– Дальше, ваше превосходительство, начнется работа, – сказал адмирал. – Хочу заметить, нелегкая и кропотливая. В городе мы можем оставить только штатских. В ранге беженцев. Раненых и больных обследуем и отправим по госпиталям. Это займет у нас какое-то время. Затем займемся армией. По предварительным прикидкам, армия будет размещена на полуострове Галлиполи, в районе Чаталджи, и на Эгейском море, на острове Лемнос. Военный флот вместе со всем личным составом, в том числе и кадетский морской корпус, правительство Франции предлагает временно разместить в Бизерте. Там глубокая и удобная бухта.

Ни спорить, ни возражать Врангель пока не мог. Он сейчас впервые услышал эти географические названия, кроме разве что полуострова Галлиполи, который совсем недавно, в пятнадцатом году, был ареной кровопролитных боев за проливы Босфор и Дарданеллы.

– Тот самый Галлиполи? – спросил Врангель.

– Да, тот самый, ваше превосходительство.

Сумасшедшая история! Газеты едва ли не всего мира на протяжении всего 1915 года регулярно отслеживали события, происходившие на этом малоизвестном турецком полуост-

рове. Там шла жестокая война за проливы Босфор и Дарданеллы, в которой невесть почему среди тех, кто был заинтересован (Англия и Франция), сражались и гибли австралийцы и новозеландцы. Где Австралия, а где этот крохотный полуостров, на котором нашли свою смерть тысячи чужеземных солдат? Каким ветром занесло их сюда? Что потеряли они здесь, вдали от своей, расположенной за морями-океанами, родины?

Впрочем, неисповедимы пути Господни! Вероятно, так и австралийцы сегодня, глядя на карту мира, с недоумением размышляют, почему часть русских покинула свою обширную и богатую территорию и отправилась за счастьем в чужеземные края.

Объяснить это можно, понять нельзя.

– А что, этот полуостров? Я имею в виду Галлиполи. Он, верно, необитаем? – спросил Врангель у своих собеседников.

– Вовсе нет. Он довольно густо заселен. Там есть город, в котором для наблюдения за порядком размещен сенегальский батальон французских колониальных войск. Есть несколько больших и малых селений.

– Но ведь в дни боев, судя по газетным сообщениям, там было все перепахано артиллерией.

– Это правда. Но сейчас большинство зданий восстановлено. Часть вашей армии там вполне сможет разместиться. Без особого комфорта поначалу, но все же... Потом обживетесь.

– У нас для этого нет времени. Как у нас говорят: «В гостях хорошо, а дома лучше».

– Будем надеяться, так и будет, – поддержал Врангеля адмирал.

По железной винтовой лесенке прозвучали торопливые шаги, и в двери возник один из стюардов, сказал несколько слов.

– Ну, вот! Впереди уже видны турецкие берега, – перевел месье Сорбье и обратился к Врангелю. – Не желаете ли взглянуть, ваше превосходительство?

– Увольте! Я на них насмотрелся весной этого года, – Врангель поднялся. – Благодарю за приятную беседу. Пойду к себе.

– До встречи в Константинополе, – попрощались с Врангелем Дюмениль и де Мартель.

Через короткое время «Вальдек Руссо» отшвартовался от «Генерала Корнилова» и, издав протяжный прощальный гудок, умчался туда, где вдали в тумане проступала зубчатая полоса турецкого берега.

Слащев вернулся с палубы в свою каюту.

– Ну, что там? – спросила Нина.

– Там – Турция! – он подошел к зеркалу, посмотрел в него на себя, провел рукой по трехдневной щетине и сказал сам себе. – А, плевать!

– На кого?

– На себя, – сказал он. – Слушай, а может, отпустить бороду? Помнишь, зимой прошлого года, в Екатеринославе? Тебе, кажется, тогда понравилось?

– Нет-нет! – торопливо отозвалась Нина. – Ну, сам подумай: будешь идти с дочкой, а все будут думать, что ты ее дед, – и затем добавила: – Побудь еще хоть лет десять молодым.

– Мне сегодня просто не хочется бриться, – объяснил Слащев.

– Ну и не брейся.

– Нельзя. В Константинополе будет официоз: придет встречать эскадру наш российский посол, наверное, будет кто-то от турецкого султана, – Слащев обернулся, позвал: – Пантелей! Где ты, старый разбойник? Знаю же, под дверью стоишь!

Пантелей, и верно, открыл дверь, просунул голову в каюту:

– Чего кричите, ваше превосходительство! Дитю разбудите!

– Но-но! Больно разговорчивый стал! Где мой парадный мундир?

– Той, шо из музею?

– Нормальный мундир! Генеральский. Небось не почистил?

– А на шо його чистить, як вы в ем никуды не ходили. Принести?

– Дурацкий вопрос.

Пантелей исчез и вскоре появился, неся на вешалке выглаженный генеральский мундир.

Проснулась от домашней суеты и тихо пискнула дочка. Нина бросилась к ней.

– Може, Авдотью позвать? – спросил Пантелей.

– Сама придет, – сказала Нина. – Она знает.

– Шести сутки дитя на свити живэ, а як звать – не придумалы. Кошенятку чи там собачатку, и тем сразу имя дають, – покидая каюту, ворчливо сказал Пантелей. И, уже прикрывая дверь, добавил: – Там, в городе, этот... ихний поп, он ей турецьке имя присвое. И буде она якась Халима чи Далила. Срамота!

Когда дверь за Пантелеем закрылась, Слащёв сказал:

– А и правда, что ж это мы?

– Я думала об этом, – Нина подняла глаза на Слащёва. – Хотела такое, что б тебе понравилось. Может, Софья? Или Стефания? Так мою маму звали.

– Ты русские имена вспоминай. Наша дочь – россиянка.

– Ну, Елизавета или Екатерина?

– Ага. Еще Анна. Тебя все больше царские имена нравятся. Или уж какие-то совсем нерусские: Стефания, – начал сердиться Слащёв. – Ты мне хоть одно простое русское имя назови!

– Авдотья! – с вызовом сказала Нина.

– Авдотья? А что, ничего имя. Вполне. А уменьшительное? Ну, как ее сейчас, такую манипуську, будем звать?

– Авдуня, Авдушечка, Дуня.

– Дуня – это Евдокия. Нет, не то! – Слащёв пару раз прошелся по каюте, подошел к колыбельке, отогнул край одеяльца, улыбнулся ей, спросил: – Не спишь... Маруська?

Девочка тихо пискнула.

– Отзывается, – радостно сказал Слащёв. – Ты слышала, Нина? На Маруську отзывалась. Может, и вправду?...

– Ну, Яша! Неужели ничего лучшего не можешь придумать? Маруся! – возмутилась Нина. – У нас вечно пьяная дворничиха была Маруся.

– А у меня бабка была Маруся. Хорошая. Я ее очень любил. Она мне свой лорнет подарила. Я из него потом подзорную трубу сделал, – и потеплевшим голосом произнес: – Баба Маруся. Мария Иосифовна. А можно еще Марья, Маша.

– Я хотела красивое имя.

– Дурная ты, Нинка! Человек красит имя, а не наоборот.

– Да! Но Маруся? – не соглашалась Нина. – Такого и в святцах, наверное, нет.

– Обязательно есть! Как же! – упрямо сказал Слащёв: – Ма-руся! Ты только вслушайся! Ма-руся! Мама Руси! Придумай имя лучше! То-то же! – и Слащёв снова заглянул в колыбельку: – Маруська! Скажи своей дурной мамке, что тебе нравится!.. Слышишь? Молчит! Значит, согласна!

Слащёв стал надевать свой парадный генеральский мундир.

– Ты куда? – спросила Нина.

– К капитану. У него там, в вахтенном журнале, записано, что такого-то числа на борту «Твери» во время перехода из Севастополя в Константинополь у генерала Слащёва и ординарца, юнкера Нечволодовой, родился ребенок женского полу. Пусть имя проставит – Маруся.

– Мария! – настойчиво поправила его Нина. – Как в святцах.

– Пусть будет Мария, – неохотно согласился Слащёв.

– Ну, и зачем это? Кому это интересно?

– Дремучая ты, Нинка. Это же первый Маруськин документ. Их еще много у нее будет. А этот – первый: «метрическая запись». Самый главный документ.

И Слащёв вышел. Вскоре в каюту вошла Авдотья:

– Ну, як тут моя кнопочка? – спросила она.

– Уже не кнопочка. Марусей величают.

– Маруся? – переспросила Авдотья. – А я думала, вы ей якось панскэ придумаете. Маруся! Красиве имя, – и она стала расстегивать жакет.

Глава пятая

Адмирал Дюмениль оказался прав: около полудня «Генерал Корнилов» вошел в Босфор. В самом устье к нему подскочил небольшой юркий катер и на борт, тяжело отдуваясь, поднялся грузный турок – лоцман. Он учтиво поздоровался с капитаном и при этом прознес несколько слов:

– Руссики: Карашо. Добри ден.

Капитан с некоторым сомнением оглядел лоцмана, скорее сам себе, чем ему, сказал:

– Ну, и как мы с тобой, друг сердечный, поведем крейсер?

– Друг, карашо, – удовлетворенно кивнул лоцман и неожиданно спросил на чистом английском: – На каком языке капитан предпочитает общаться? На английском, французском?

– Пожалуй, на английском, – принял предложение лоцмана капитан.

– В таком случае тихо вперед! – приказал лоцман. – Следуйте строго за катером и больше придерживайтесь правого берега.

Босфор был остаточно узкий для крейсера, но капитан вспомнил о том, что и через него, и через Дарданеллы совсем недавно без особых трудностей проходили суда и более крупные, такие, к примеру, как российские линкоры «Святой Пантелеймон» и «Императрица Екатерина».

Они плыли мимо отдельно стоящих на обоих берегах скромных беленьких домиков. Большей частью они были сложены из мастного известняка. Между ними можно было заметить и совсем бедные хибарки, сколоченные из досок и фанеры. По улицам неторопливо ходили люди, двигались пароконные телеги, реже их надрывно тянули маленькие ослики. На берегу, у самого обреза воды, игрались дети.

Чужая жизнь, до краев заполненная осенними хлопотами, была так понятна недавним крестьянам, за годы войны истосковавшимся по такой неспешной мирной работе.

– Просо, что ли, убирают?

– Какое просо! Кукурузу на корм. Второй урожай. У нас, гляди, она повыше.

– Обыкновенное дело. Дождей кот наплакал. Считай, почти что Африка.

– У нас косят в августе, когда стебель сочнее, слаще.

– У их все по-другому. Даже месяц, и тот чужой.

Чем дальше плыл «Генерал Корнилов» по Босфору, тем больше, скученнее становились селения. Потом они как-то незаметно и вовсе слились в один сплошной город с красивыми домами, белоснежными дворцами с византийскими куполами-полушариями. И повсюду, насколько хватал глаз, тонкими свечками возвышались минареты.

– Константинополь, – сказал лоцман. – Он же Истамбул.

– Когда-то наши давние предки называли его Цареградом, – вспомнил капитан.

– Это было очень давно. Но славяне оставили здесь по себе замечательную память, – лоцман указал вдаль. – Смотрите туда! Видите белый купол? Знаменитая Айя-София. Когда-то христианская церковь Святой Софии, теперь она радуется своей красотой сердца турок.

Солдаты, скопившиеся у бортов крейсера, тоже с восторгом глядели на диковинный город.

– Господи, куда нас занесло! – тоскливо вздохнул кто-то из них.

Было обеденное время, и город настойчиво обозначал себя самыми различными звуками: заунывным пением муэдзинов и квакающими клаксонами автомобилей, басовитыми гудками океанских лайнеров и пронзительными переключками буксиров, нетерпеливыми голосами портовых докеров и надрывными воплями торговцев воды и кофе. Все это сливалось в один равномерный и тревожный гул.

По улицам сплошным потоком двигались люди, видны были только людские головы, эдакий заводской конвейер, плывущий в одну и другую сторону. Иногда на перекрестках эти потоки смешивались, но тут же восстанавливали свои порядки.

Затем город стал постепенно удаляться. Лоцманский катер стал отворачивать к левой, азиатской стороне берега, к дачным пригородам Константинополя. При этом он издавал частые резкие гудки, предупреждая бесчисленные парусники, шхуны, фелюги об опасности и расчищая путь для крейсера.

«Генерал Корнилов» какое-то время двигался мимо стоящих на якорях мрачных английских и французских дредноутов. Свободные от вахты матросы высыпали на палубы, рассматривая русский крейсер. О событиях в России они были наслышаны и сейчас стали свидетелями последнего акта русской трагедии.

Осталась за кормой европейская часть Константинополя. «Генерал Корнилов» вошел в Мраморное море и через короткое время бросил якорь на виду у пригородных дач в заливе Мод.

С тех пор как крейсер подошел к Константинополю, Врангель покинул каюту и молча стоял вблизи капитанской рубки, рассматривая город. Совсем недавно, буквально весной, он был уволен Деникиным в отставку и, не обремененный тяжестью ответственности за судьбы белой армии, безмятежно ходил по константинопольским улицам, собираясь в ближайшие дни уехать в Англию или Бельгию и навсегда забыть Россию.

Врангель почти наизусть помнил это письмо Деникина. Разуверившийся во всем, он прислал полное отчаянья письмо Драгомирову, а Драгомиров, предчувствуя большие перемены, переслал копию этого письма ему. Деникин писал: «Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил меня успехом войск, мною предводимых. Внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».

Врангель прочитал это письмо здесь, на набережной Константинополя. В своей приписке, приложенной к письму, Абрам Михайлович Драгомиров слезно просил его вернуться в Севастополь и тоже принять участие в Военном Совете, и еще писал, что он поддержит его кандидатуру на избрание Верховным главнокомандующим.

Прочтя это послание Деникина и слезное письмо Драгомирова, Врангель принял для себя единственное решение: отказаться от столь лестного предложения. Он уже тогда был обуреваем мрачными предчувствиями в успехе этой борьбы.

Но случились события, которые повлияли на решение Врангеля. Русский посол в Константинополе сообщил тогда Врангелю, что англичане подготовили ультиматум британского правительства. В нем Деникину с дипломатической вежливостью указывалось, что он устал и должен уступить свое место другому. В случае, если он откажется подчиниться, британское правительство прекращает ему поддержку и какую бы то ни было помощь.

Собственно, этот оскорбительный ультиматум оказал решающее значение на решение Врангеля. 22 марта 1920 года английский дредноут «Эмперор оф Индия» с Врангелем на борту прибыл из Константинополя и бросил якорь на севастопольском рейде.

И вот снова этот же Константинополь, а между мартом и октябрём двадцатого бесконечные бои, потери и разочарования. И уже не он, а Деникин, сидя в тепле и покое, наблюдает за тем, как бесславно закатывается звезда барона Врангеля.

Деникин испил чашу позора раньше, ему предстояло сейчас.

Если и мог Врангель себя чем-то утешить, то только тем, что он покинул Россию, сохранив ее армию от полного уничтожения. Он верил, заставлял себя верить в то, что это еще не конец, что довольно скоро, весной или уж, в крайнем случае, летом, он еще ступит на святую для каждого русского брусчатку Севастополя.

Капитан «Генерала Корнилова» попрощался с лоцманом, как водится, рассчитавшись с ним и вручив полагающийся пакет с российскими подарками. И лоцманский катер вскоре снова заторопился назад, в устье Босфора, к деревушке Анадолу Каваи за новой партией российских судов.

К вечеру лоцманский катер сделал еще несколько ходок. Потрепанные недавним штормом суда, они, как цыплята к наседке, со всех сторон жались к «Генералу Корнилову». На многих из них были подняты отчаянные сигналы «Просим о помощи! Еды и воды!», «Терпим голод!», «Воды!».

Вместе с вошедшими в залив судами на «Корнилов» вернулись генерал Кутепов и адмирал Кедров. Последние двое суток они находились на крейсере «Кагул» и оказывали помощь терпящим бедствие судам эскадры.

К утру в заливе Мод уже стало тесно, и адмирал Кедров стал направлять вновь прибывающие суда на стоянку к Принцевым островам Бюйюкада и Бургузада.

Когда совсем рассвело, вокруг стоящих на якорях российских судов началось настоящее грабительское торжище. Прознав о бедственном положении, от дачных строений к судам устремились десятки лодок с пронырливыми негоциантами. Они плавали между судами, предлагая людям лепешки, жареную рыбу, куски баранины, грозди винограда и фиников, инжир, рахат-лукум и другие восточные сладости.

Изголодавшиеся люди снимали с себя последнее: кольца, серьги, кулоны, браслеты.

На громкие выкрики бесцеремонных спекулянтов из каюты на палубу вышел Слащёв. Несколько лодок обступили «Тверь», и торгаши, подобно пиратам, берущим судно на abordаж, пытались забраться на нижнюю палубу. Это у них не всегда получалось. И тогда в ход пошли веревки. Процедура была предельно простая. Коротко договорившись о товаре, покупатели опускали на веревке вниз серьги, часы или золотое кольцо, и тут же наверх поднимался пакет с жареным мясом или несколько гроздей винограда.

Наглый толстый турок в малиновой феске медленно продвигался вдоль борта «Твери» и время от времени выкрикивал, рекламируя свой товар:

– Мясо, мясо! Карашо мясо! – и, поднимая жирными руками жареную баранину, подносил ее ко рту, отрывал мощными зубами кусок и смачно жевал. Проглотив, снова принимался кричать: – Мясо, мясо!

Неподалеку от Слащёва свесился через палубное ограждение крупный, высокого роста незнакомый ему генерал-лейтенант и пытался торговаться с турком:

– Что ты хочешь за мясо, фармазон! – густым басом обратился он к турку.

– Мясо! Карашо! – откликнулся турок.

– Ну, и давай его сюда!

Здесь же, рядом с генералом, стояла уже знакомая Слащёву дородная дама в своей неизменной горностаевой накидке и с белой пушистой собачкой на поводке.

«Генерал Соболевский» – вспомнил Слащёв встречу с этой дамой в коридоре парохода. И собачку вспомнил, кажется, ее зовут Зизи?

– Ну, сколько хочешь? Мани? – продолжал торговаться генерал.

– Кароши мани! Доллар карашо! Фунт карашо!

– Я ж не американец. Где я тебе возьму доллар? – сказал генерал.

– Франк карашо! Лира, динар драхма можно!

Знал бы он, этот наглый торгош, что прибывшие сюда пароходами из Крыма русские были почти нищими. Во всяком случае, тех денег, которые бы интересовали турецких торгош, у них не было. Царские кредитные билеты не были обеспечены никакими государственными ценностями, поскольку уже не было даже самого государства, и стали обычными фантиками, представляющими интерес разве что для нумизматов. Лишь те, кто сумел в последние дни перед эвакуацией нажиться награбленным, вступали в сделки с турецкими торгошами.

– Нету у меня франков! И драхм я никогда в глаза не видел! Как же мы с тобой, турок, договоримся? – оценив взглядом лежащие на дне лодки продукты, генерал с досадой обернулся к жене, приказал: – Сними, Глаша, чего-нибудь с пальцев!

– Ты с ума сошел, Алекс! Это же бриллианты!

– Да ладно тебе! Не скаречничай! – обозлился на жену генерал. – Жрать охота! Снимай! Не то я свои золотые часы ему спущу!

Мадам Соболевская начала послушно снимать с пальца кольцо. Она хорошо знала своего мужа, и поэтому искренне пыталась снять хотя бы одно кольцо. Она слюнявила пальцы и изо всей силы пыталась что-то сделать, но тщетно.

– Ну, быстрее! Быстрее! – нетерпеливо ворчал генерал.

– Не получается! – едва ли не со слезами на глазах простонала мадам Соболевская.

– Ну, и хрен с тобой! – генерал решительно полез в карман и извлек оттуда часы. Они заиграли на утреннем солнце золотыми отблесками. Он привязал часы к веревке и опустил их вниз, достаточно низко, чтобы турок мог хорошо рассмотреть товар, но не настолько, чтобы мог взять в руки.

– Ну, что хорошие часики?

– Карош! Карош! – затанцевал в лодке турок от предвкушения такой добычи. – Тавай-тавай!

– Не торопись! Отдаешь все, что в лодке!

– Тавай-тавай!

– «Давай-давай!». Понял, фармазон, что хорошие часики? То-то же! Значит так, ты мне все, что в лодке, а я тебе часы! Договорились?

– Карош, карош!

Генерал пониже опустил часы. Турок молниеносно оценил их и тут же торопливо спрятал в карман. После чего привязал к веревке холщевую сумку с вареным мясом и выпустил ее из рук. Сумка с мясом повисла в воздухе.

– Что? И это все? – удивленно спросил генерал.

– Кароши мяско! Кароши!

– Не-ет! Мы так не договаривались! – свирепо гаркнул генерал.

Турок понял, что покупатель недоволен и сейчас придется возвращать часы.

– Кароши мяско! – торопливо отталкиваясь от борта «Твери», выкрикнул турок. Затем он схватил весла и заработал ими что есть силы. Лодка стала удаляться.

Генерал не сразу понял, что турок просто решил его обмануть. А когда понял, стал торопливо шарить по карманам в поисках револьвера. Но он налегке вышел из каюты и, конечно же, не предполагал, что ему понадобится оружие.

Слащёв понял затруднение генерала. Он вынул свой револьвер и выстрелил.

Пуля не задела турка. Она лишь пробила днище, и в отверстие тонким фонтаном полилась вода.

Испуганный турок еще сильнее стал налегать на весла. Одно весло не выдержало и с громким хрустом сломалось. Но перепуганный беглец, уже ничего не соображая, стал с удвоенной силой грести одним веслом. И лодка, выписывая дугу, начала вновь приближаться к «Твери».

Когда до парохода оставалось совсем близко, турок понял, что произошло. Он поднял голову и увидел стоящих сверху над собой людей. Среди них он заметил генерала, у которого пытался украсть часы, рядом с ним стоял еще один военный и держал в руках револьвер.

Понимая, что он проиграл, и что речь сейчас уже идет не о часах, а о его жизни, турок тонким голосом закричал:

– Русика карашо! Мяско карашо! Доллар – нэт! Не карашо!

Что хотел сказать турок, никто не понял.

Но он уже принял свою судьбу и стал одним веслом покорно подгребать к борту «Твери». Схватился за все еще висящую за бортом холщевую сумку, торопливо вынул из кармана генеральские часы и положил их в сумку. Спросил:

– Так карашо?

Ему не ответили.

Оттолкнувшись веслом от борта корабля, он на прощание снова выкрикнул:

– Кароши мясо! Тавай-тавай!

А вокруг и возле «Твери» и других кораблей продолжалась шумная торговля, и этого мелкого происшествия, вероятно, никто не заметил.

Врангель с борта крейсера с молчаливым любопытством наблюдал за этим грабительским торжищем. Подойдя к нему, Кутепов сказал:

– Ярмарка! Поистине, Ирбитская ярмарка, Петр Николаевич!

– Непотребство! – в ответ сердито отозвался Врангель. – Это надо бы прекратить. Вон англичане в свои бинокли на нас уставились. Потешаются. Мы выглядим папуасами.

Кутепов тоже нахмурился.

– Я бы понял вас, ваше превосходительство, если бы французы исполнили свой долг и, как и было оговорено, обеспечили людей пропитанием, – сухо сказал он. – Пока я не заметил никаких телодвижений в эту сторону. Ладно, здоровые люди хоть что-то съестное выменяют. А каково раненым? Ни еды, ни лекарств! Трое умерли уже здесь.

Врангель молча выслушал этот упрек и понял, что Кутепов прав.

– Я не смогу вот так сразу, даже с помощью оружия, остановить эту торговлю – оправдываясь, продолжал Кутепов.

– Распорядитесь, пусть подготовят мой катер, – не вступая в дальнейший разговор, коротко приказал Врангель и вернулся в каюту, чтобы надеть свой парадный мундир.

И уже через несколько минут он в сопровождении Михаила Уварова направился к причалам европейской части Константинополя, где ошвартовался «Вальдек Руссо».

Адмирал Дюмениль и месье Сорбье встретили Врангеля радушно. Находившийся под впечатлением справедливого упрека Кутепова, Врангель не смог сдержать свой гнев. Он на ходу, еще по пути в кают-компанию, выложил адмиралу все, что он думает о союзниках. Упомянул и о голоде, и о страданиях оставленных без медицинской помощи больных и раненых.

Адмирал не торопился оправдываться. Он проводил Врангеля в кают-компанию, усадил в кресло.

– Кофе, чай? – спросил он. – Круасаны?

– Ничего, – холодно сказал Врангель. – Я – не в гости, извините. Я хочу получить ответ на единственный вопрос: что происходит? Еще чернила не высохли под договором о вашей помощи. Где она?

– Ваше превосходительство, о чем бы вы хотели получить ответ в первую очередь? Вероятнее всего, о раненых и больных? – тихо и ласково заговорил адмирал, и даже в переводе месье Сорбье звучали эти мягкие, успокаивающие интонации.

– Да, пожалуйста!

– Хочу вам доложить, мой генерал, что небольшое недоразумение с ранеными уже улажено. И поверьте мне, нашей вины, то есть вины Франции, в этом нет.

Врангель слушал, не поднимая головы.

– Мы заранее договорились, что большинство раненых и больных будут размещены в турецких госпиталях и больницах. Причина, надеюсь, вам понятна? Мы содержим здесь, в Турции, довольно скромный армейский контингент и, если возникает какая-то необходимость, довольствуемся своими скромными лазаретами. Тяжело больных тут же отправляем на родину. С вашими людьми – иное дело. У вас речь идет не о десяти, и даже не о ста человеках. Их что-то около трех тысяч. Я не ошибаюсь?

– Приблизительно, – все так же угрюмо согласился Врангель.

– Разместить сразу такое количество раненых и больных даже в таком большом городе, как Константинополь, совсем не просто. Понадобилось время. Как мне недавно сообщили, госпитали и больницы подготовлены. И сейчас, в это самое время, два турецких парохода с медиками на борту, размещают ваших больных и раненых по лечебным учреждениям. Надеюсь, такой ответ вас удовлетворит?

– Благодарю вас, – Врангель с трудом сменял гнев на милость. – А что с продовольствием?

– К вечеру наши интенданты доставят на суда сухой паек. Пока – на три дня, – сказал адмирал. – Надеюсь, к этому времени будут улажены все формальности, и начнем размещать вашу армию на заранее определенные места.

– И последнее. Пожалуйста, распорядитесь пополнить на судах запасы питьевой воды, – попросил Врангель.

– Да, конечно! Приказ об этом отдан еще вчера.

Собственно, конфликт на этом был исчерпан. Врангель, вернув лицу выражение благо-расположенности, попрощался с хозяином «Вальдека Руссо».

Было немного за полдень, возвращаться на крейсер еще не хотелось и он решил прогу-ляться по одной из самых нарядных улиц города – Истикляль, и заодно навестить своего дав-него знакомого, российского посла в Турции Нератова. Он до сих пор не навестил Врангеля, хотя, конечно, был извещен о прибытии в Константинополь русской эскадры. Это так не было на него похоже.

Они неторопливо шли по улице, блистающей витринами цветочных магазинов, вывесками кофеен, отелей и банков. Не в пример Таврии и даже Крыму, здесь еще не сильно ощущалось наступление осени. И все же к пряным дымам жареного на мангалах мяса уже примешивался горьковато-печальный дымок сжигаемых в парках и садах облетающих листьев.

– А что, Мишель, не выпить ли нам хорошего крепкого турецкого кофе? – весело спросил у Микки Врангель.

– Неплохо бы! Но, насколько я знаю, Петр Николаевич, «керенки» у них дешевле газетной бумаги, – так же весело отозвался адъютант.

– Надеюсь, доллары их удовлетворят, – сказал Врангель, сворачивая к стеклянному кафе-терию.

Кафе было небольшое, всего на шесть или восемь столиков, с легкими ажурными пере-городками, создающими некую иллюзию уединения, но и не мешающими, впрочем, видеть всех посетителей. Когда их глаза после улицы привыкли к уютным сумеркам, они разглядели в самом дальнем углу нескольких турок, они, темпераментно переговариваясь, азартно играли в бектаммон. Эта игра чем-то напоминала нарды. Ближе к входу за столиком одиноко сидел уса-тый, похожий на кота, старик в вылинявшей феске и сосредоточенно курил кальян.

Едва они вошли, как перед ними возник официант и, легко определив в посетителях иностранцев, молча проводил их к отдельно, чуть на отшибе стоящему столику. Второй офи-циант с легким, едва заметным поклоном, поставил перед ними крохотные чашечки с наргиле и большие чашки – с ароматным кофе.

– Что-нибудь еще? – спросил он по-английски. – Насколько я понимаю, вы ведь русские?

– Вы угадали, – ответил Врангель тоже на английском.

– Это легко. По вашей форме. И потом, весь город знает, что сюда пришла русская эскадра.

– Совершенно верно.

– Говорят, у вас уже кончилась война? – продолжил официант.

– Я тоже это слышал, – и, чуть помедлив, Врангель добавил: – Пока кончилась.

– У нас тоже война, – сказал официант. – Только у нас она поменьше, чем в России. Мы воюем с греками и немножко между собой, – и, едва не шепотом, он произнес: – Мустафа

Кемаль, может, слышали? Только он не хочет воевать в городах. Мы слишком бедная страна, и он не хочет разрушать дома.

Когда они, выпив кофе, покидали заведение, официант проводил их до выхода.

– Желаю вам хорошего отдыха и весело провести время.

– Да, веселья у нас хоть отбавляй, – улыбнулся Врангель.

– И заходите еще. Мы любим русских.

– Любишь русских, а язык выучил английский, – шутливо упрекнул его Врангель.

– Не-мно-шко... Плехо, – попытался реабилитироваться официант, и затем четко, почти без акцента произнес по-русски: – Я вас отчен люблю! – и как цирковой артист после трудного номера, широко раскинув руки, добавил: – Вуаля!

Они еще немного бесцельно побродили по Истикляль, затем на крошечном скрипучем трамвайчике доехали до здания русского посольства. Его меньше ста лет назад построили итальянские архитекторы.

Во дворе посольства было многолюдно. Российские графы и князья, дворяне, помещики и заводчики, спасаясь от большевиков, уже который месяц со всеми чадами и домочадцами здесь коротали дни. Они не разъезжались по другим странам, все еще надеясь на скорое возвращение домой.

Врангеля неприятно поразило, что среди стариков здесь было довольно много молодежи.

Все эти люди, прижившиеся в посольском дворе и в опустевших кабинетах, ставших теперь общежитиями, радостно встречали каждого нового человека, надеясь услышать от него обнадеживающие новости.

Не избежал этой участи и Врангель. Его узнали, бросились к нему, обступили.

– Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! Вы оттуда? Скажите хоть что-то хорошее, успокаивающее. Ну, хоть несколько слов!

Врангель мрачно оглядел толпу:

– Прежде я хотел бы получить ответ на мой вопрос!

– Да-да! Слушаем!

– Почему эти юноши здесь, а не там, где им надлежит быть, когда отчизна в опасности? – недобрый тоном спросил Врангель. – Почему не встали грудью на защиту своих же богатств? Кровь своих отпрысков вы цените дороже крови тех, кто пролил ее там, на полях России?

Что могли они ответить? Какое-то время толпа молча переминалась.

Врангель сделал движение, чтобы продолжить свой путь. Но окружившие его не расступились. У них были свои вопросы, они были уверены, что только он, Врангель, знает всю правду и сможет ее им открыть.

– Ваше превосходительство! – продвинулся вперед пожилой, тощий, как жердь, лысоватый господин, но вспомнил, что не представился: – Извините, князь Левитов! Так я – насчет детей. Все, подлежащие призыву – с вами. А эти...

– А эти – дезертиры! – зло сказал Врангель и снова попытался протиснуться сквозь толпу. Ему попытался помочь Уваров. Но толпа не расступалась.

– Ваше превосходительство! Мой сын погиб под Каховкой! – прозвучал женский голос. Врангель отыскал взглядом простоволосую седую женщину, сказал ей:

– Сочувствую вам, мадам!

– Скажите хоть слово! На что надеяться? – вновь оживилась, загомонила толпа.

– А правда, что генерал Пермикин собрал в Польше большое войско? – прозвучал мужской голос. – Говорят, собирается выступить на Москву?

– Не знаю.

– Ваше превосходительство! – поднял над толпой руку мужчина восточной внешности. – Асланов. Князь. Слышал, союзники, да? Собираются высадить десант в Крыму, Одессе и на Кавказе.

– Не слышал.

– И вашу армию собираются...

Что собираются сделать с его армией союзники, Врангель так и не узнал, так как сквозь обступившую его толпу к нему пробился российский посол Нератов. Он встал рядом Врангелем.

– Что за осада? Не то всем велю покинуть посольское подворье! – лениво выкрикнул он. – Генерал – не ваш пленник, а мой гость. И прошу с моими гостями вести себя подобающе.

Толпа смолкла и неохотно расступилась, образовав узкий проход к посольскому крыльцу.

Взяв Врангеля под руку, Нератов повел его в здание. При этом он стал извиняться, что не встретил эскадру и до сих пор не нанес ему визит. Объяснил это тем, что только сегодня утром вернулся из Парижа, где главным образом занимался делами армии Врангеля.

Высокий, крепкий, с властным холемым лицом, всегда веселый, остроумный, неунывающий, с весны двадцатого он был при правительстве Врангеля кем-то вроде министра иностранных дел. Находясь главным образом в Константинополе, он улаживал с союзниками различные дела, касающиеся поставок русской армии оружия, боеприпасов, продовольствия и решал еще множество других дел, которые возникали едва ли не ежедневно и в большом количестве. К нему привыкли настолько, что даже официальные турецкие организации его считали русским послом в Турции. Постепенно Нератов сменил штат прежнего посла и занял бывшее здание русского посольства.

В роскошных широких коридорах тоже было многолюдно. Под стенами на скамейках и табуретах чадили и шипели керогазы и примусы, что-то булькало в кастрюлях и скворчало и чадило на сковородах. В синеватом дымном воздухе висел густой запах вареной и жареной рыбы. Рыба в Константинополе была самым дешевым продуктом.

– Что поделаешь! – вздохнул Нератов. – Безденежье и бескормица. А люди-то русские, надобно вырвать. Вот и живут.

На втором этаже, где размещался кабинет Нератова и его жилые апартаменты, воздух был чище. Кабинет был обставлен дорогой мебелью, сохранившейся еще от его предшественника, и обставлен он был в те времена, когда российское посольство представляло в Турции богатую Российскую империю.

В кабинете Нератов усадил Врангеля в удобное глубокое кресло, сам уселся напротив и, еще раз оглядев его, с удовлетворением сказал:

– Я предполагал увидеть человека, раздавленного последними неудачами и эвакуационными заботами, нуждающегося в длительном отдыхе. Похоже, и телесной крепости и силы духа вам отпущено Господом с избытком.

– Благодарю за комплимент. Сбавлять обороты не имею права, – сказал Врангель. – Молю Бога лишь о том, чтобы ниспослал мне силы не надорваться, неся сей выпавший на мою долю крест. Но давайте поговорим о деле. Вы сказали: улаживали во Франции дела моей армии. Нельзя ли подробнее?

– Да-да! Именно об этом я и хотел вас проинформировать. У них, видите ли, возникла новая идея: ликвидировать нашу армию, точнее, рассеять ее по свету.

– Вы сказали: «у них». Это у кого же? – спросил Врангель.

– Кому первоначально пришла эта мысль в голову, сейчас уже не узнать. Да и не суть важно. На заседании французского правительства ее поддержали едва ли не все. Позже я разговаривал с нашим послом во Франции Маклаковым. Мне показалось, даже он склоняется к этой мысли.

– Аргументы?

– Все в один голос заявляют, что в недалеком будущем русская армия может стать причиной новой войны. Франция не хотела бы быть ее повивальной бабкой.

– Ну, и чем все закончилось?

– Я вынужден был выступить. Я сказал им, что они имеют право распоряжаться судьбой своей армии. У нас же отобрали Родину, и вернуть ее – наша святая обязанность. Ну, тут начались крики! Кто-то стал доказывать, что это не только наше дело, что новая война наверняка может снова всколыхнуть весь мир.

– Не исключаю, – согласился Врангель. – И все же?

– Выступивший в конце небезызвестный вам вице-адмирал Де Робек несколько пригласил страсти. Он сказал, что, на его взгляд, в ближайшее время деморализованная русская армия не будет представлять серьезной опасности. Скорее всего взгляд надо направить в другую, большевистскую сторону. Большевики намерены завоевать весь мир.

– И тем не менее, – задумчиво сказал Врангель. – Тем не менее мысль высказана. И вторгнуться в наши дела попытаются многие доброхоты. Не исключаю и французов.

Большую часть времени Слащёв проводил на палубе «Твери». В каюте иллюминатор завесили платком, создав полумрак, ходили на цыпочках, разговаривали шепотом. Маруся почти все время спала, просыпаясь только на кормление.

Стоя на палубе, можно было видеть жизнь во всем ее комедийном и трагическом многообразии. Казалось, вся азиатская часть Константинополя и его пригородов пересела на катера и лодки и, торгуя съестным и водой, сновала между судами. И если первое время в качестве платы за продукты шли драгоценности, то уже вскоре они иссякли, и продавцы и покупатели опустили планку ниже, и в качестве валюты в ход пошли шинели, брюки, барашковые шапки и сапоги. Высоко ценились здесь короткие кавалерийские карабины и патроны. У кого-то сохранилось хорошее кожаное седло, и за его обладание возникло нешуточное сражение между тремя турками.

Небогатый контингент «Твери» уже почти перестал интересовать турецких негоциантов. Мимо нее проплывали лодки и катера, но к ней никто не швартовался и даже не удостоивал ее взглядом. Тем больший интерес вызвал у Слащёва большой и богато украшенный катер, который торопливо промчался мимо десятков судов и целенаправленно помчался прямо к «Твери» и лихо к ней пришвартовался. Увидев стоящего на верхней палубе человека в генеральской одежде, один из команды катера крикнул:

– Ваше превосходительство, это не вы ли, случаем, генерал Соболевский?

– Случаем, не я, – ответил Слащёв и спросил: – Вам нужен генерал Соболевский?

– Да, пожалуйста! Или Глафира Никифоровна!

Слащёв понял, та дама с собачкой и есть жена генерала Соболевского.

– Сейчас позову.

Слащёв прошел с палубы в коридор и постучал в каюту, которую занимали Соболевские. Дверь открыл сам генерал.

– А, это ты, – нисколько не удивился Соболевский и схватил его за рукав. – Ну, входи же! А мы как раз собирались обедать.

– Там пришел катер, спрашивают вас.

– Кому я здесь нужен? – удивился генерал. – Может, жену?

– Да, спрашивали также Глафиру Никифоровну.

– Нашли-таки! – недовольным голосом сказал Соболевский. – Не дадут по-человечески похмелиться, – и, обернувшись, крикнул в глубину каюты, за перегородку: – Глашка! Твоя родня прибыла! Иди, прыгай в катер! А мы тут с генералом обсудим диспозицию!

– Я же говорила тебе, Сашенька, они найдут нас, – вышла из-за перегородки дородная Глафира Никифоровна с собачкой на руках.

– И на кой хрен они нам нужны?

– Ну, зачем ты так? У них здесь дом, и нам что-то выделяют.

– Собачью будку.

– Не издевайся надо мной, Саша! – обиженно сказала Глафира Никифоровна. – Лучше помоги собрать мне чемоданы.

– Извини, брат, – печально сказал Слащёву Соболевский. – Сейчас начнется истерика, слезы. Утонем!

Слащёв снова вернулся на палубу. На пришвартованном к «Твери» катере народу прибавилось: из салона катера на солнышко вышли две похожие на Глафиру Никифоровну дамы в широкополых шляпах. Одна, видимо, приходилась ей сестрой или какой-то родственницей, вторая – совсем молоденькая барышня – должно быть, была ее дочерью или даже внучкой.

– Александр Степаныч, милый, здравствуйте! – увидев на верхней палубе Слащёва, крикнула пожилая.

– Здравствуйтесь, мадам! Александр Степанович приводит себя в порядок. Скоро появится.

– А Глаша?

– Глафира Никифоровна – с ним. Тоже сейчас выйдет.

– А вы – их денщик? – спросила барышня.

– Совершенно верно, мадемуазель, – согласился Слащёв. – А как вы догадались?

– Интуиция, – кокетливо ответила барышня.

– Не понимаю нынешние нравы! – ворчливо сказала пожилая родственница Соболевских. – Хозяева собираются, а денщик, видите ли, пейзажами любитесь. Пальцем не шевельнет.

Слащёва забавляла эта игра, он с удовольствием ею наслаждался.

– Видите ли, мадам, у меня сегодня меланхолия, – сказал Слащёв. – Нет никакого желания шевелить пальцами.

Пожилая дама едва не задохнулась от негодования. Но тут из своей каюты на палубу вышел генерал Соболевский, нагруженный двумя тяжелыми чемоданами. Следом шла супруга с пушистой Зизи на поводке.

С катера донеслись восторженные выкрики:

– Глаша! Александр Степаныч! Господи, с трудом вас отыскиали.

– Да, представьте себе! Если бы не Проничевы... Ты, Глаша, верно, помнишь Проничевых? Так это они...

– Прекратить огонь! – зычно оборвал восторженную дамскую словесную трескотню генерал. Проходя мимо Слащёва, тихо ему сказал: – Я сейчас вернусь. Зайди в мою каюту. Небольшой сюрприз! – и пошел дальше.

Наконец генерал и его жена вместе с Зизи спустились по крутой лестнице вниз, на нижнюю палубу. Генерал, тяжело дыша, передал двум матросам катера свои чемоданы. Затем стал помогать спуститься в катер жене. Она была неуклюжая, с трудом опускала вниз то одну, то другую ногу, но не доставала ими до палубы катера. Ей стали помогать матросы. Затем приблизились пассажиры нижней палубы. Посыпались советы:

– Вы, мадам, повернитесь спиной и спускайтесь.

– Не могу. Зизи испугается.

– А вы передайте собачку на катер.

– У нее может случиться разрыв сердца. Она никогда не отходит от меня.

Наконец генералу все это порядком надоело, и он снова принялся за дело.

– Иди сюда! – приказал он жене и усадил ее на кнехт. – Спускай ноги в катер!

– Я боюсь!.. Я не могу!

– Можешь!

Стеная и охая, генеральша уселась на кнехт.

– Теперь ноги!

Она опустила одну ногу, но тут же ее подняла и опустила вторую.

– Ну, вот видишь, ничего не получается!

– Обе одновременно! – свирепо крикнул Соболевский.

Она с отчаянным криком испуганно опустила вниз обе ноги. И тут генерал решительно столкнул ее с кнехта, а матросы подхватили и поставили ее на палубу катера.

Дальше произошло непредвиденное. Оказавшись на катере, Глафира Никифоровна потянула за собачий поводок и, к своему ужасу, увидела на его конце только разорванный собачий ошейник. Зизи на палубе катера не было.

– Зизи! – умирающим голосом позвала собачку Глафира Никифоровна. – Александр! Где Зизи?

– Ей не понравилось в Турции, она решила вернуться в Россию, – сказал Соболевский.

– Сашенька, милый, зачем ты так? Я умру! Найди Зизи!

Генерал посмотрел по сторонам, но собачки нигде не было видно.

– Куда-то по кораблю рванула, – сказал кто-то из палубных ротозеев.

– Куда?

– Не заметил. Найдется.

– Умоляю! Найдите! Пожалуйста, найдите! – причитала Глафира Никифоровна и тут же принималась звать собачку: – Зизи! Миленькая! Вернись к своей мамочке!

– Мадам! Ее здесь нет. Ее где-то в том конце коридора надо искать. Она туда побежала. Я видел! – сказал похожий на дядька тщедушный, с жидкой бородкой солдатик.

– Так бегите! Поймайте! Боже! Саша, почему ты ничего не предпринимаешь? – закатывалась в истерику генеральша. – Ну, пожалуйста! Или ты хочешь моей смерти?

– Ну что ты реवेशь? – сказал генерал. – Я тебе завтра здорового кобеля куплю.

– Не-ет! Нет! Саша, родненький! Верни мне Зизи!

Генерал обернулся к наблюдающим за этой сценой пассажирам, нашел взглядом похожего на дядька солдатика.

– Говоришь, видел, куда она побежала?

– По коридору, – указал он.

– Поищи! Я заплачу.

– «Керенками», ваше превосходительство?

– Зачем «керенками»? – генерал пошарил по карманам, но ничего там не обнаружил. Сунул руку в нагрудный карман мундира и извлек оттуда часы, те самые, на которые генерал уже выменял кусок жареной баранины.

– Вот! Отдам! Только найди собаку!

И солдатик побежал по коридору.

Генерал взглянул на катер. Там родственницы генеральши изо всех сил ее успокаивали.

На верхней палубе «Твери» он увидел Слащёва. Подмигнул ему и стал пробираться сквозь толпу.

– Саша, ты куда? – заметила «маневр» мужа Глафира Никифоровна. – Ну, где же Зизи?

– Не волнуйся, ищут! И я тоже отправляюсь ее искать!

Генерал поднялся на верхнюю палубу, подошел к Слащёву:

– Черт! Что за жизнь! Так до сих пор и не познакомились, он протянул Слащёву руку: – Генерал-лейтенант Соболевский. Уволен со службы за ненадобностью.

– Слащёв, – представился Яков Александрович. – Тоже генерал-лейтенант. И тоже оказался больше не нужен армии.

– Так это ты Слащёв-Крымский?

– Ну, я.

– Знаю, как же! И приказ Врангеля про твою отставку читал. Еще подумал: если Врангель такими кадрами разбрасывается, кто ж Россию нам назад вернет? – и с теплотой в глазах глядя на Слащёва, Соболевский задумчиво сказал: – Это ж надо, где довелось познакомиться. Слащёв-Крымский!

– Я-то Крымский. Только Крыма у нас уже нет.

– Ничего. Еще не вечер. Еще вернемся, – бодро сказал Соболевский. – По такому случаю... идем в каюту! Кажется, у меня там для тебя есть один презент.

Они вошли в опустошенную и покинутую Соболевскими каюту, где за загородкой, среди вавилонского беспорядка: каких-то тряпок, коробок, бутылок, изгрызенной обуви и собачьих игрушек выделялся своим порядком накрытый обеденный стол. Не забыты были даже салфетки. Среди небогатых закусок стояла раскупоренная, но неначатая бутылка «Смирновской». Диссонансом выглядели на столе лишь две большие чайные чашки.

Разливая водку, Соболевский пояснил:

– Не люблю, понимаешь, в четверть глотка. То ли дело – чашка! Это как артиллерия супротив винтовочной стрельбы: шуму много, а толку никакого.

Возвращая на стол наполовину опорожненную бутылку, Соболевский сказал:

– Я ее, родимую, еще в Севастополе собирался приговорить, да все не с кем было. Твое здоровье, генерал Крымский!

Они чокнулись, выпили. Закусывали той бараниной, которую добыл Соболевский не без помощи Слащёва. Обгрызая баранье ребрышко, Соболевский сказал:

– Вот и не верь после этого в судьбу. Не сломайся у турка весло, ушел бы с часами.

– Если бы не сломалось у него весло, вторую пулю я всадил бы в него.

– Вот. Выпьем за судьбу! – протянул руку к бутылке Соболевский. – Не оставлять же полупустую! – он поднял вверх указательный палец. – Неэтично!

– И неразумно, – согласился Слащёв.

– Минутку, – попросил Соболевский, и так, с чашкой в руке, прошел на палубу, перегнулся вниз, спросил: – Ну, что там? Нашли?

– Никак нет, ваше превосходительство! Как сквозь землю провалилась! – ответили снизу. – Все закоулки облазили – нету!

Соболевский вернулся в каюту.

– Да хрен с ней, с собакой! – взмахнул он чашкой и вопросительно посмотрел на Слащёва. – Все хочу у тебя спросить, что ты, генерал, герой Крыма, думаешь?

– О чем?

– Ну, обо всем этом. Ходят слухи, что не сегодня-завтра всех генералов и штаб-офицеров, оказавшихся без должностей, причислят к беженцам и – под зад пинком, на берег. Выживай, как хочешь. Или во французскую колонию. Французские вербовщики сегодня уже появлялись возле «Твери».

– Ты хочешь знать, что думаю я? – Слащёв немного помолчал, сосредоточенно рассматривая колышущуюся в чашке жидкость. – Думаю, это предательство! Я неоднократно ссорился с Врангелем, я пытался доказать ему, что покидать Крым – непростительная ошибка. У меня было несколько предложений, как спасти армию от катастрофы. Но Врангель не стал меня слушать, – и затем он решительно добавил: – Знаешь, когда полководец проигрывает военную кампанию? Когда он впервые засомневался в своей победе. Мы проиграли кампанию еще летом, еще во время боев под Каховкой. Или раньше, когда заменили Деникина.

– И что теперь? – выслушав Слащёва, спросил Соболевский.

– Даже сейчас еще не все потеряно. Надо только сменить Врангеля на более решительного и смелого полководца.

– Где ты сейчас такого найдешь? – разочарованно сказал Соболевский.

– Думаю, что он есть. Только мы этого не знаем.

– Что произошло, то произошло, – вздохнул Соболевский. – Уже ничего не исправить.

– Ну, почему же! Не нужно только опускать руки. Зимой девятнадцатого я один со своим корпусом встал на защиту Крыма – и отстоял его. А силы были неравны: я с тремя тыся-

чами выступил против тридцатитысячного войска противника – и победил. Сейчас было иное: шестьдесят тысяч против семидесяти. И мы позорно капитулировали.

Соболевский вдруг обернулся к приоткрытой двери, прислушался.

– Пардон, генерал! Слышу голос Глафиры. Боюсь, она сейчас разнесет весь пароход, – он взмахнул чашкой: – Так за судьбу! Я благодарен ей, что она подарила мне эту встречу с тобой. Надеюсь, мы еще увидимся и даже подружимся, – и добавил: – Твои мысли я разделяю.

– Я тоже рад знакомству с тобой, – в ответ сказал Слащёв.

Соболевский, по-гусарски щелкнув каблуками, влил в себя содержимое чашки. Слащёв пил мелкими глотками.

Соболевский сунул руку в кармашек мундира и за цепочку извлек оттуда уже знакомые Слащёву, отливающие благородным желтым блеском, золотые часы.

– Вот! Позволь преподнести. Презент. В честь знакомства, – торжественно произнес Соболевский и протянул их Слащёву.

– Ну, что ты! Разве можно? Дорогие! – Слащёв даже спрятал руки за спину.

– Дружба дороже! – изрек Соболевский. – У меня еще семь штук... нет, восемь таких же. Адъютант, зараза, откуда-то приволок. Ювелир, говорит, подарил, – он покачал их перед глазами Слащёва. – Красивые, ничего не скажешь. Бери!

– Не могу!

– Не ломайся, бери, не то за борт выкину. Не просто так даю, а дарю! На память! – и, вдруг сделав страшное лицо, Соболевский прошипел: – Спрячь в карман! Быстрее! Идет!

Почти инстинктивно, реагируя лишь на угрожающее шипенье Соболевского, Слащёв спрятал часы к себе в карман.

И тут дверь каюты широко распахнулась и на пороге возникла тяжело дышащая, заплаканная Глафира Никифоровна. Как она снова взобралась на «Тверь» и как в этом пароходном лабиринте нашла свою каюту, так и осталось для них загадкой.

– Что ты со мной делаешь, изверг? – закричала она мужу. – Где Зизи?

– Как? Разве тебе ничего не сказали? – не моргнув глазом, сделал удивленное лицо Соболевский. – Нашлась! Успокойся, ангел мой! Уже все в порядке!

– Что с ней? Где она?

– Она случайно упала в воду...

– Боже, она утонула! Она же не умела плавать!

– Дура! Все собаки умеют плавать. Успокойся, она жива и здорова. Только что капитану сообщили по телеграфу, что ее подобрали на берегу.

– Бедняжка! С трудом могу себе представить, что только она пережила! – сказала Глафира Никифоровна и только сейчас обратила внимание на стол, перевела укоризненный взгляд на мужа.

– Главное, что живая, – проникновенно сказал Соболевский и в ответ на взгляд жены добавил в оправдание: – Собственно, за ее чудесное спасение мы вот с генералом и выпили. Для успокоения нервов. Я, знаешь, тоже тут с ума сходил от переживаний. Но старался не тревожить тебя плохими вестями, ангел мой.

– А я знала! Я была уверена, что ты ее найдешь! – и генеральша чмокнула мужа в щеку. – Но давай поторопимся на берег. Она же мокрая. Может простудиться.

– Не волнуйся! Она в тепле. Ее временно взял к себе губернатор Константинополя. И ему, и всей его семье она так понравилась...

Соболевский обернулся к Слащёву, лукаво ему подмигнул, словно предлагая ему следить за тем, как будут развиваться дальнейшие события.

– Кстати, у меня возникла одна гениальная мысль! – внезапно сказал Соболевский жене.

– Я слушаю тебя.

– А не подарить ли нам Зизи губернатору? Мне кажется, это было бы разумно!

– Ты так считаешь?

– Подумай сама. Губернатор – это губернатор. Хоть в России, хоть в Турции. Он по достоинству оценит эту нашу жертву и окажет нам здесь всяческое покровительство. А оно нам сейчас крайне необходимо. А что касается Зизи? Конечно, жаль с нею расставаться. У меня самого сердце кровью рвется на части от такой мысли. Но, в конце концов, я куплю тебе такую же собачку.

– Таких больше нет.

– Согласен. Есть лучше.

– Ты бурбон! Тебе не ведомы тонкие нюансы женской души! Представь себя хотя бы на минуту на месте Зизи. Она совершенно не знает турецкого языка, к тому же она не сразу забудет меня и будет очень тосковать, может даже умереть, – Глафира Никифоровна даже всплакнула и решительно сказала: – Нет-нет, ты, пожалуйста, договорись с губернатором, чтобы я имела возможность хоть первое время ее навещать, – и, строго взглянув на мужа, она спросила: – Ты хоть выяснил, у губернатора большая семья?

– Это самое первое, что я сделал, мой ангел.

– И какая же?

– Средняя – по меркам Турции. У него сорок четыре жены и сто девятнадцать детей. У султана, конечно, больше.

– Бедная Зизи! – тяжело вздохнула Глафира Никифоровна. – Они же ее замучают.

– Ты рассуждаешь, как неграмотная русская деревенская баба. Зизи уже как гостье отвели в губернаторском дворце отдельную комнату.

– Но откуда тебе все это известно? – с некоторым подозрением спросила Глафира Никифоровна.

– Я уже тебе это говорил: сообщили по телеграфу капитану, – сердито ответил Соболевский. Он сделал вид, что этот допрос его уже начинает раздражать, – В конце концов, не хочешь дарить, и не надо. Твоя собака, твое дело. Но предупреждаю: за последствия я не отвечаю.

– Ну, зачем ты так злишься, милый? Если ты считаешь, что так надо, я согласна, – покорно сказала генеральша.

...Слащёв проводил чету Соболевских вниз и затем еще долго смотрел катеру вслед. Не мог он тогда предположить, что история этой пушистой собачки по имени Зизи совсем скоро будет иметь свое продолжение, которое опять коснется его.

К вечеру, ко времени возвращения Врангеля из Константинополя, картина в заливе резко изменилась. Разгулявшаяся вокруг русских кораблей торговля быстро свернулась. Кутепов отдал приказ капитанам всех кораблей: турецких негодяев к кораблям больше не подпускать. В случае их неповиновения разрешалось отгонять их выстрелами в воздух.

Командира Первого армейского корпуса генерал-лейтенанта Писарева, еще в Севастополе назначенного ответственным за дисциплину и порядок во время следования эскадры из Крыма в Константинополь, за допущенную расхлябанность Кутепов снял с должности, а его начальника штаба арестовал.

Тем самым Кутепов показал, что и впредь, пока существует русская армия, дисциплина и порядок будут неукоснительно и строго соблюдаться. Всякий, их нарушивший, независимо от чинов и званий, будет строго наказан.

Вернувшийся из Константинополя Врангель одобрил принятые Кутеповым меры.

Глава шестая

Прошли еще сутки, прежде чем вся эскадра, все суда, покинувшие Крым, собрались в заливе Мод и неподалеку от Принцевых островов. Приползла даже старая плоскодонная самоходная баржа «Хриси». Исчез лишь миноносец «Живой». Больше никто и никогда ни о нем, ни о его команде ничего не слышал.

Всем начинала надоедать эта бивуачная жизнь с ее каждодневной неопределенностью. Со дня на день все стали ждать отправки воинских частей на места постоянной дислокации. Но французы почему-то медлили.

Врангель к этому времени переселился со своим штабом на удобную и маневренную яхту «Лукулл». Она перешла поближе к Константинополю и бросила якорь неподалеку от причалов, на виду у европейской части города. Здесь Врангель имел возможность постоянно общаться с представителями французской оккупационной администрации.

На следующий же день на «Лукулл» неожиданно прибыла французская миссия – два офицера и человек пять солдат-сенегалцев. Французский полковник вручил Врангелю письмо, в котором командир оккупационного корпуса генерал Шарпи сообщал, что в соответствии с международными законами русская армия, находящаяся в Турции под протекторатом Французской Республики, обязана полностью разоружиться. Дальше генерал Шарпи подробно описывал, как будет происходить вся эта процедура.

Прочитав это письмо, Врангель поднял глаза на офицера с полковничьими погонами, который посмел войти в его кабинет с двумя вооруженными темнолицыми зуавами. Вероятно, он считал, что это придаст весомость его миссии.

– А вы, собственно, кто? Почему не представились?

– Извините, ваше превосходительство. Начальник штаба французского оккупационного корпуса полковник Депре! – щелкнув каблуками, лихо представился полковник по-русски.

– Надеюсь, вы не сомневаетесь, что в моем кабинете вам ничего не угрожает! – мрачно сказал Врангель. – Доложите генералу Шарпи, что вы бесцеремонно вторглись в мой кабинет с вооруженной охраной. И далее. Я не стал бы с вами разговаривать, полковник, но из уважения к генералу Шарпи побеседую с вами лишь после того, как ваша экзотическая охрана покинет мой кабинет.

Полковник Депре смутился, сказал несколько коротких слов зуавам, и те торопливо покинули кабинет.

– Пардон, ваше превосходительство, я даже не заметил, что они увязались за мной, – полковник попытался «сохранить лицо».

– Сочувствую генералу Шарпи, у него в корпусе не все ладно с дисциплиной, если даже полковник не соблюдает правила, которые должен бы знать любой солдат. Но поговорим о деле, – Врангель еще раз бегло просмотрел письмо. – Передайте генералу Шарпи, что я внимательно ознакомился с его любезным посланием. Он, видимо, забыл, что мы не военнопленные, а Российская армия, которая волею судьбы временно оказалась на чужой территории. Подчеркиваю, временно. Кстати, не на французской. Я бы еще мог понять, если бы этот вопрос поднимали официальные власти Турции.

– Но вы, ваши суда и ваши люди, ваше превосходительство, находитесь в зоне, оккупированной Французской Республикой, – все еще переживая свой конфуз, наступал на Врангеля полковник.

– Вот что, полковник! – Врангеля начал сердить самоуверенный тон француза. – Законов много, но далеко не все они подлежат исполнению. Составляя договор о помощи Францией нашей армии, никто из юристов ни слова не сказал ни об этом законе, ни о нашей обязанности разоружаться.

– Но это же само собою разумеется!

– Не-ет, голубчик! И одна, и другая сторона будут исполнять только те пункты, которые оговорены в договоре. Ни одним пунктом больше, ни одним пунктом меньше. Попросите генерала Шарпи освежить в памяти наши договора. И передайте генералу мое глубокое к нему почтение.

Когда французский катер увез не солоно хлебавшую миссию, Врангель попросил вызвать к себе генерала Кутепова и командиров других воинских соединений.

Еще когда только эскадра покидала Севастополь, Кутепов избрал своей резиденцией вспомогательный крейсер «Алмаз» и с тех пор он постоянно находился в прямой видимости от «Генерала Корнилова». Но когда Врангель на «Лукулле» переместился к городским причалам Константинополя, «Алмаз» остался на месте, в заливе Мод, его связь с Кутеповым стала не столь быстрой.

Ожидая прибытия Кутепова и некоторых других командиров, барон снова и снова вспоминал свой недавний разговор с Нератовым и его предупреждение о планах французов раздробить русскую армию и так или иначе ее уничтожить. Надо думать, что желание разоружить армию вполне вписывалось в этот план. Лишив армию оружия, с нею можно переходить на иной, приказной тон общения. Безоружная армия – это уже толпа, которая не способна постоять за себя, с ее желаниями уже можно и не считаться.

Через какой-то час в кают-компании «Лукулла» стало тесно от прибывших на совещание генералов. Вместе с Кривошеиным на палубу яхты поднялся и давний друг барона, Николай Михайлович Котляревский. Будучи от роду человеком скромным, он старался никогда принародно не показывать своих дружеских отношений с Главнокомандующими и чаще всего появлялся перед ним в непростые, головоломные времена. Почувствовал ли он наступление грядущих неприятностей или просто захотел повидаться со своим давним товарищем, но он сам попросил Кривошеина взять его с собой.

Когда все расселись по местам, Врангель зачитал присутствующим письмо генерала Шарпи, а затем подробно рассказал о встрече с Нератовым и о его предупреждении, что во французских правительственных кругах возникла такая подленькая мысль – каким-то способом уничтожить русскую армию.

Выслушивали всех, кто хотел высказаться. И уже сразу начали возникать некоторые подробности. Командующий Вторым армейским корпусом Федор Федорович Абрамов вспомнил, что едва ли не со времени прибытия эскадры в залив Мод на корабли стали наведываться вербовщики французского Иностранного легиона, воюющего в Африке, Азии и Индокитае. Как правило, сытые, холеные, с иголки одетые, они появлялись там, где главным образом находились казаки. Смущая умы, они рассказывали им, бессовестно все приукрашивая и привирая, о прелестях службы в Иностранном легионе. По их рассказам, легион – это такая вольница, сродни Запорожской Сечи, где легионеры немножко воюют с африканскими дикарями вроде туарегов, друзов или рифанцев, но, главным образом, пьянствуют, веселятся и ухаживают за очаровательными туземками.

Покидая корабли, вербовщики увозили списки желающих пополнить ряды Иностранного легиона. И командирам приходилось тратить немало времени, чтобы объяснить солдатам и казакам смысл этой подлой вербовки.

Причем многие командиры низшего звена и сами прельщались столь сладкими обещаниями. Но иногда с вербовщиками случались и неожиданности. На транспортах «Рион» и «Херсон» казаки выкинули агитаторов за борт, и те хорошо накупались, прежде чем их подобрали французские катера. В последнее время агитаторы стали появляться на судах реже и осторожнее.

Заканчивая свой рассказ, Абрамов предупредил, что многие уставшие от войны, разуверившиеся и разочарованные во всем казаки и солдаты могут уполовинить армию. Со второй половиной справиться будет легче.

– Что вы предлагаете? – спросил Врангель.

– Дисциплина! – коротко ответил Абрамов. – Жесточайшая дисциплина! Только она может спасти армию.

– Ну, а по поводу разоружения? Что вы по этому поводу думаете, Федор Федорович?

– Этот вопрос даже не должен обсуждаться, – ответил Абрамов. Армия без оружия – это стадо. Его можно арапниками загнать в любое стойло.

– Что думают остальные? – спросил Врангель.

Остальные поддержали Абрамова. Говорили напористо, с негодованием.

Под занавес совещания поднялся со своего места Котляревский:

– Если позволите, я внесу некоторый диссонанс в ваше единодушие.

Все с нескрываемым удивлением и любопытством обернулись к Котляревскому.

– Смею напомнить всем нам, что мы все же здесь гости. И общество выработало для гостей некоторые правила. Скажем, неприлично идти в гости с гранатой в кармане.

Кают-компания зашумела.

– Полагаю, наверно, бывают случаи, когда в гости приходится идти с гранатой, – с легкой улыбкой сказал Врангель. Он хорошо знал парадоксальный ум Котляревского и ждал резкого поворота в его размышлениях.

Котляревский не торопился раскрывать свои карты.

– Но тогда это уже не гость, – спокойно возразил он Врангелю и затем продолжил: – Существует международный закон о том, что армия, находящаяся на чужой территории и не являющаяся оккупационной, не должна быть вооружена. Кроме каких-то оговоренных случаев. Мы, к сожалению, свои права не оговорили. И, стало быть, если мы не подчинимся французским требованиям, для нас могут возникнуть нежелательные последствия.

– Уйдем от французов! – сказал генерал Витковский.

– Куда? К кому? И на чем? Смею вам напомнить: наш флот уже продан. Кстати, французам.

– Вы предлагаете капитулировать? – выкрикнул всегда горячий генерал Туркул.

– Я предлагаю, прежде всего, не ссориться с французами, – спокойно сказал Котляревский.

– Но ведь это невозможно. В этом случае мы будем обязаны разоружиться.

– Вовсе нет. Надобно проверить все наши корабельные арсеналы. И, уверяю вас, обнаружим много лишнего оружия. Вы вспомните, во время посадки на суда чего только ни тащили с собой солдаты. Так вот, по договору, который я внимательно изучил, мы имеем право иметь для караульной службы небольшую часть оружия. Эту часть мы легализуем, о ней французы будут знать. Далее! Все остальное оружие распределим по подразделениям. Уверяю вас, его окажется значительно больше, чем необходимо нашей армии. Отберем старое, изношенное, поломанное и передадим его французам.

– Голова! – сказал кто-то.

– Это, так сказать, первый этап операции, – продолжил Котляревский. – Ко второму нужно подготовиться. По приходу в места нашей постоянной дислокации все незаявленное оружие надо будет незаметно вынести. Сделать это будет трудно, почти невозможно: едва наши суда пристанут к причалам, мы окажемся под пристальным надзором. Но у нас есть время подумать. Неужели ничего не придумаем? Или мы не русские!

Идея понравилась, все дружно засмеялись.

Заканчивая, Котляревский сказал:

– Я так думаю, мы не слишком нарушим Международный договор, если так поступим. В конце концов, мы как волки, оказались окружены. Не исхитримся – пропадем.

Поднялся генерал Барбович. Он строго оглядел всех и с некоторым осуждением сказал:

– Я не только генерал, но и дворянин. Предложение уважаемого Николая Михайловича, извините, сильно пахнет аферой. Как совместить это с кодексом чести дворянина? – и затем он весело добавил: – Но мне эта афера почему-то нравится. С удовольствием приму в ней участие. Надеюсь, Господь нас не осудит.

И все теперь смеялись раскованно, громко, от души.

Потом обсуждали накопившиеся вопросы из разряда «разное».

– А что делать со снарядами? – спросил кто-то из присутствующих артиллеристов. – Мы на «Буге» шестидюймовые пушки еще в Севастополе в море опустили, а снаряды не успели.

– Много их?

– На хороший бой хватит.

– Передайте нам, на «Кавказ», у нас в аккурат шестидюймовки.

– Так пароходы-то теперь французские.

– Ну, так выкиньте в море.

– Не! Не по уму это! Мы их французам под расписочку. Ни нам, ни «Кавказу» они уже вряд ли пригодятся, а в зачет разоружения сойдут.

– Молодец! Хорошо соображаешь!

Выяснилось также, что в трюмах некоторых кораблей отыскивались целые сокровища: чай, кое-какие консервы, несколько тонн кожи, мануфактура.

– На берег снесем! Погодя, разберемся!

– Самим не понадобится, французам отдадим.

– Ага! Как же! Расщедрился!

– Не задаром же!

Разъезжались повеселевшие. Побывали вместе – уже хорошо. Пушки не палили, дождь не шел, заморозков не было. Солнце грело, почти как в Таврии в начале осени. И хотелось думать, что все плохое у них осталось уже далеко позади.

Кутепов по просьбе Врангеля задержался на «Лукулле». Когда стихли голоса покидающих яхту гостей, Врангель, словно продолжая прежде начатый разговор, сказал:

– Но это еще не все.

– Я вас слушаю, Петр Николаевич, – Кутепов не совсем понял, что Главнокомандующий имел в виду: то ли он вернулся к предыдущим размышлениям о разоружении или же хотел высказать какие-то новые поручения.

– Боюсь, на этом французы не остановятся. Мы для них слишком хлопотное и далеко не дешевое хозяйство. И, конечно же, раньше или позже, они будут снова пытаться избавиться от нас. Какой очередной трюк они для этого придумают – не знаю, но что это случится, не сомневаюсь.

– У вас есть какие-то предложения?

– Быть постоянно настороже.

На следующий день нарочные развезли по кораблям приказ номер один. Первый он был потому, что как бы открывал новую страницу жизни армии, теперь уже не чужбине. Его подписал Кутепов. На этом настоял Врангель.

По здравому размышлению, они пришли к выводу, что, находясь в довольно сложных отношениях с французами, им необходимо прибегнуть к небольшой и безобидной хитрости. Пусть один из них (Врангель) будет добрый, великодушный и справедливый, другой же (Кутепов) – неуступчивый, мелочный, хитрый и злой. Так им будет легче плавать в этом дипломатическом море интриг.

В приказе номер один говорилось, что находящиеся на судах эскадры нижние чины обязаны сдать имеющееся у них оружие своим командирам. Оружейным мастерам вменялось в обязанность его проверить, выделить на судах специальные помещения и там, под надежной охраной, пока его хранить. Офицеры оставляют свое личное оружие при себе.

Все лишнее и неисправное оружие передать французам, для чего подготовить его и сложить на нижних палубах...

Операция по разоружению русской армии, к обоюдному удовлетворению сторон, была проведена блестяще. Не вызвав никаких нареканий французам, Врангель сохранил в армии необходимое количество оружия и боеприпасов.

Теперь надо было сделать следующий шаг: вновь возродить армию, способную решать любые боевые задачи. За время отступления и эвакуации она растеряла боевой дух и превратилась в разболтанную запорожскую вольницу. Рассчитывать на боевые успехи с такой армией не приходится. Необходимо налаживать суровую армейскую дисциплину. А для этого, прежде всего, надо освободиться от беженцев. Но мало этого! Их надо обустроить на чужой земле. Это необходимо было сделать хотя бы потому, что беженцами являлись родители, братья, сестры и дети его солдат и офицеров, которые решили разделить с армией ее участь.

Еще в Севастополе Врангель обращался к митрополиту Вениамину за помощью в обустройстве беженцев за границей. Но ни разу во время их мимолетных встреч владыка не вспомнил об этой его просьбе, ничего не сказал о результатах. Запомнил?

Не откладывая дело в долгий ящик, Врангель отправился на своем катере к митрополиту, по-прежнему обитающему на «Генерале Корнилове».

Когда Врангель постучал, владыка, не спрашивая, открыл дверь каюты. И на его лице отразилось тихое удовлетворение.

Владыка, видимо, читал, потому что в проеме двери Врангель мельком увидел лежащую на столике у иллюминатора толстую книгу, потревоженные листы которой стали сами по себе медленно переворачиваться.

Врангель, привыкший видеть владыку в праздничном облачении, с расшитой жемчугами миррой на голове, не сразу его узнал. Перед ним в тесной корабельной каюте стоял старик в накинутом на плечи просторном светлом подряснике, с жидкими седыми прядями, не прикрывающими лысую голову. В эти минуты митрополит был больше похож на уставшего мирянина, вернувшегося домой после хлопотного дня.

– Прошу прощения, владыко, за вторжение, – почувствовав неловкость, что явился без предупреждения, сказал Врангель.

– Входите, ваше превосходительство. Коль пришли, стало быть, нужда привела, – добродушно произнес владыка. – А и без нужды можно, – и, указав на кресло, добавил: – Располагайтесь. А я немного приведу себя в порядок. Духовные пастыри, как родители перед детьми, не всегда предстают в праздничных одеждах.

И пока владыка омывал лицо водой и затем перед зеркалом влажной рукой поправлял свои жидкие волосы, Врангель сказал ему:

– Меня привело к вам беспокойство о тех людях, которые поверили мне и вместе со мной оказались на чужбине. Я имею в виду не солдат и офицеров. Те не оставили меня, повинаясь присяге. Я беспокоюсь о беженцах, по зову сердца обрекших себя на лишения и страдания.

– Я не забыл наш разговор, ваше превосходительство, но пока ничего утешительного сказать не могу. Более того, я обеспокоен дошедшими до меня печальными сведениями.

Митрополит вновь сел в кресло, в котором отдыхал до прихода Врангеля.

– Некоторые католические страны стали в буквальном смысле отлавливать рассеявшихся по Европе российских детей-сирот и определять их в свои католические приюты. Эти дети, как я понимаю, уже никогда не вернуться в Россию. Меня это крайне встревожило. Я собираюсь

встретиться по этому поводу с папским представителем в Константинополе архиепископом Дольче.

Врангель молчал, хотя эта новость поразила его. Вот уж никогда не думал, что католичество и православие сойдутся в борении на таком поле.

– Тогда же, еще в Крыму, я по вашей просьбе, ваше превосходительство, обратился к некоторым странам с просьбой временно приютить у себя русских беженцев, – продолжил митрополит Вениамин. – Католические страны вовсе не ответили. Это бы ладно. Но даже единоверцы, такие, к примеру, как греки, тоже пока все еще хранят молчание.

Врангель, слушая митрополита, снова и снова прикидывал в уме, что еще можно предпринять? Он не мог, не имел права сказать покинувшим вместе с армией Россию людям, что он бессилен им помочь, что он умывает руки. Нет-нет, какой-то выход все же есть, его только надо искать.

– Я думаю, не все так печально и безнадежно, – словно почувствовав некоторую растерянность Врангеля, сказал митрополит. – Может, вы обратили внимание, какую-то часть наших беженцев отыскивают местные родственники, те, кто уже давно укоренился в Турции, и забирают их с кораблей. У кого-то есть родня в Болгарии, на Балканах, в Канаде, Аргентине. Их не оставят, заберут. Безродных останется немного, с Божьей помощью и их пристроим. Я продолжу делать все, чтобы выполнить ваше поручение, ваше превосходительство. Тут наши интересы полностью совпадают.

– Спасибо, владыко, на добром слове, – сказал Врангель.

Митрополит словно не слышал его слов. Он поднял на него отсутствующие глаза и тихо сказал:

– Я молю Бога, чтобы ваша миссия была успешной и мы бы снова вернулись на родину. Но что, если это будет неудобно Богу и эти люди никогда не вернуться в Россию? А ведь они – самый плодородный пласт нашей земли. Это они – хранители веры, справедливости, совести. Без них Россия предстанет миру выжженной пустыней. Сколько лет, а может быть, столетий понадобится для того, чтобы восстановить моральное, этическое плодородие русской земли?

– Но почему? – спросил Врангель. Он не смог до конца сформулировать свой вопрос. Самое легкое было бы: «За что такие беды, такие напасти?». Он заранее знал на него ответ: «За грехи наши!». Но что-то не укладывалось в голове: не один человек, не десять, не сто – миллионы вот уже три года, да нет, еще с четырнадцатого, с Великой войны все они – и те, и другие – голодают, купаются в крови, умирают. Но ведь не все они грешники, не все виновны. Так почему?

– Почему? – повторил свой вопрос Врангель.

Владыка молчал. Он продолжал задумчиво сидеть, опустив на грудь голову.

Врангель понял, что на вопросы, с которыми он приехал к митрополиту, ответы он получил. Но, видимо, есть вопросы, на которые никто и никогда не сможет ответить. И он поднялся с кресла.

– Уходите? – даже с каким-то облегчением спросил митрополит и торопливо добавил: – Все же не отчаивайтесь, ваше превосходительство. Молитесь. Господь всемолющ, он услышит ваше упование.

«Что ж раньше не услышал? Там, под Каховкой? Или на Крымском перешейке?» – подумал Врангель и пошел по гулкому корабельному коридору, и его одинокие усталые шаги отзывались тяжелым металлическим звуком в гулком пустом пространстве.

Глава седьмая

Слащёв томился от безделья. Он едва не сутками простаивал на верхней палубе «Твери», наблюдая за всем происходящим в заливе Мод. А происходило, как и прежде, много интересного.

Несмотря на строжайший запрет, продолжалась торговля. Первоначальный ажиотаж спал, и сейчас продавцы и покупатели нещадно торговались. Теперь турецких негодяев доставляли к русским судам французские катера: у французов появился хоть и кратковременный, но дополнительный заработок. И если гости поначалу интересовались любым съедобным, то сейчас стали больше спрашивать фрукты – они не входили в продовольственные пайки.

Между берегом и судами возникла круглосуточная связь. Уже обжившиеся в Турции русские приезжали сюда, на берег залива, в надежде отыскать кого-то из своих родственников. Им в помощь здесь, на берегу, возникла даже своеобразная платная контора. В ней составлялись списки и тех русских, которые искали свою родню, прижившуюся в Турции, и тех турецких русских, которые надеялись найти кого-то из родни или знакомых среди прибывших сюда гостей.

За умеренную плату те же французы на своих катерах развозили эти списки по кораблям и спустя какое-то время уже с полученными сведениями возвращались в свою контору.

Прав оказался митрополит Вениамин: количество беженцев постепенно заметно таяло. Кого-то пригнали родственники, осевшие здесь, в Турции. Кто-то с помощью тех же родственников или знакомых отправились в Румынию, Болгарию. Кто имел валюту, те хлопотали о французской, греческой, аргентинской или еще чьей-то визе, намереваясь уехать невесть куда и к кому, лишь бы подальше от разоренной и разграбленной России.

Слащёв знал, что его некому искать. Он просто стоял на палубе «Твери», отогреваясь после сивашских морозов на теплом турецком солнце, и пытался мысленно выстроить свое будущее. Еще совсем недавно оно бы его нисколько не беспокоило. Но сейчас он уже думал не столько о себе и о Нине: им немного нужно – крыша над головой да шинель вместо постели. Но Маруся, Мария, Маша, Муська! В чем она виновата? Не в том же, что родилась в неурочное время. Они дали ей жизнь, и теперь обязаны оградить ее от всех бед и напастей.

Вот только обстоятельства складывались не в его пользу. Он окончательно понял это, стоя в тот день на палубе «Твери». Просто от его глаз не ускользнуло оживление в заливе: по нему вдруг забегали моторные катера, и все они направлялись к «Лукуллу».

Слащёв понял: Главнокомандующий собирает большой совет и стал ожидать, когда приплывут и за ним. Он так и простоял в ожидании, пока не кончилось совещание и моторные катера не стали развозить командиров обратно.

Тогда он и понял, что Врангель окончательно и навсегда вычеркнул его из своей памяти. Он был нужен Врангелю, лишь когда одерживал победы и при этом не вступал с ним в пререкания и споры. Серьезные разногласия возникли между ними во время боев под Каховкой. Но окончательный разрыв произошел несколько позже, во время крымских неудач. Тогда Врангель практически отстранил его, боевого генерала, от дел.

Заподозрив в непрофессионализме подчиненных, окружающих Врангеля, он предупредил его об этом и предсказал каховское поражение. Врангель не простил ему этого. Объясниться с Врангелем ему больше не удалось. И тогда он обратился к нему с рапортом: как подчиненный он ходатайствовал, как офицер у офицера просил, а как русский у русского требовал назначения следствия и суда над штабом Главнокомандующего, над штабом Второго армейского корпуса и над его командиром, то есть над ним, Слащёвым, по поводу бездарных поражений под Каховкой.

Врангель считал это бунтом. В ответ на рапорт он прислал Слащёву короткое письмо с сочувствием, что он подорвал свои силы и здоровье во время крымских боев, и советовал ему отложить все дела и лечиться в германских санаториях. Деньги на лечение ему будут выделены из армейской казны.

Слащёв понял: Врангель пытается отправить его подальше с глаз и таким образом избавиться от него. Он не принял совет Врангеля и никуда лечиться не поехал.

Не терпящий никаких возражений от подчиненных, Врангель вслед за письмом издал приказ. В нем говорилось: «Генерал Слащёв отдал все свои силы и здоровье России и ныне вынужден на время отойти на покой». Иными словами, он почти отправлял Слащёва в отставку, но делал это с изяществом: «Дорогому сердцам русских воинов генерал-лейтенанту Слащёву впредь именоваться Слащёв-Крымский».

Томясь от безделья, Слащёв все дни крымских поражений продолжал бунтовать, пытался объясниться с ним. Но Врангель его не принимал и избегал с ним встреч.

В конце концов, он, казалось, добился своего. В распоряжении, направленном Слащёву, говорилось: «Ввиду Вашего желания приложить свои силы на помощь обороне Крыма и ввиду больших потерь в командном составе, приказываю Вам с получением сего незамедлительно отправиться в распоряжение генерала Кутепова».

Он с трудом пробился в Джанкой и там понял, что ни его помощь, и ни помощь кого-то другой армии уже не понадобится. Ее бегство не могла остановить никакая сила.

Там, в Джанкое, Слащёв увидел объявление об эвакуации.

– Что это? – спросил он у Кутепова.

– То, что видишь, – мрачно ответил Кутепов. – Эвакуация.

– Или предательство, – твердо сказал Слащёв.

И все же среди всего этого хаоса и стремительного бегства Слащёв еще раз попытался изменить ход событий. Он по Юзу высказал Врангелю свой спасительный план:

«Предлагаю сформировать кадры русской армии из тех, кто не желает быть рабом у большевиков, из тех, кто не желает бросать свою Родину, посадить их на суда и произвести десант к Хорлам, и прийти в Крым с другой стороны. Колебанию и колеблющимся не должно быть места – должны идти только решившие победить или умереть».

Врангель ответил Слащёву через Кутепова: «Желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты, за неимением средств, невыполнимы. Единственный способ: оставаться в тылу противника, формируя партизанские отряды. Если генерал Слащёв решится на это – благословляю его».

Вот и все. На этом затяжной конфликт Слащёва с Врангелем и закончился.

Впрочем, нет. В сущности, Врангель не предпринял последней попытки отбить у красных Крым. А возможно, и Таврию. Последней попытки, отчаянной и решительной!

Слащёв был уверен: противоборствующие силы были почти равны. Но на стороне белых была к тому же военная выучка офицеров, которой почти не было у красных. И еще: у белых было страстное, непреодолимое желание сохранить Родину.

«Что же произошло? Почему они так вдруг отказались от Таврии, так внезапно покатались из Крыма? Кто за это ответит?». Эти вопросы Слащёв часто задавал сам себе. И не находил ответа.

Однажды он задал эти вопросы Кутепову. Это было во время бегства из Крыма. Они оказались с Кутеповым в одном салон-вагоне, и нашлось время для того, чтобы немного поразмышлять.

– Почему мы покидаем Крым? – спросил тогда Слащёв. – Насколько я помню, Главнокомандующий клятвенно заверял, что Крым – неприступная крепость и мы его никогда не покинем.

– Обстоятельства оказались сильнее, – уклончиво ответил Кутепов. Ему не хотелось вступать в этот уже порядком надоевший разговор. Тем более что он был уже бессмысленный. Изменить ситуацию никто не был в силах.

– Какие же?

– Их много, – так же односложно ответил Кутепов.

– Тогда я вам отвечу, – отметив нежелание Кутепова вступать в разговор, сказал Слащёв. – Нерешительность Командующего – раз, плохая работа штаба армии – два, и третье: отсутствие взаимодействия между воинскими подразделениями.

– Ну, вот. Вы сами ответили на свой же вопрос.

– Вам не кажется, что достаточно было бы всего лишь одной составляющей: нерешительности Главнокомандующего, чтобы...

Кутепов понял, о чем хотел спросить Слащёв.

– Я не против того, чтобы продолжить этот разговор, – сказал он. – Но как-нибудь в другой раз, – и ушел.

Глядя на море, на корабли, на красивый, но чужой город, Слащёв подумал: «А почему бы и не сейчас? Пожалуй, самое время возобновить тот давний разговор?».

Он почти весь день нервно ходил по палубе, обдумывая предстоящую встречу. О том, что Кутепов его примет, он ничуть не сомневался.

Собственно, у Слащёва уже давно вызревала мысль сместить Врангеля. Он был абсолютно убежден в его полной неспособности управлять армией, в результате чего они оказались в Турции. Он был также уверен, что если Врангель продолжит командовать армией, она уже в скором времени тихо развалится и разбредется по миру. Кутепов же ему казался тем человеком, который сможет восстановить армию и весной, обновленную и окрепшую, двинет ее в Россию.

Эта мысль, родившаяся давно, но снова всплывшая сегодня, не покидала его весь день. Он продумывал, что скажет он Кутепову, потом фантазировал ответ Кутепова и находил ему убедительные возражения.

Вернувшись в каюту, он стал бесцельно слоняться из угла в угол, глядел перед собой затуманенным взором. Нина обратила внимание на отрешенное состояние мужа. Спросила:

– У тебя какие-то неприятности?

– Какие могут быть у меня неприятности! – стряхнув себя вялую задумчивость, весело ответил он. – Снаряды не рвутся, пули не свистят, пароход не тонет и Маруська не плачет! Жить хочется!

Но вскоре он снова стал задумчиво ходить по каюте.

– Ты бы хоть шпоры снял, кавалерийский матрос! – насмешливо сказала Нина. – Своим звоном дите разбудишь.

Слащёв подошел к колыбельке, приоткрыл одеяльце. Маруся не спала. Она подняла над собой руку и таращила на нее свои чуть раскосые глазенки.

– А Маруська вовсе и не спит, – сказал Яков Александрович и, глядя на нее, улыбнулся: – Что, Маруся? Бессонница замучила? О чем думаешь? Как дальше жить?

Маруся в ответ тихонько пискнула.

– Ну, вот. И поговорили, – удовлетворенно сказал Слащёв и снова, словно отключился, стал задумчиво бродить по каюте. Потом попросил Нину:

– Найди мне чистый лист бумаги.

– Письмо будешь писать? – насмешливо спросила Нина.

– Представление тебя к Георгию. За долготерпение.

– Ну, спасибо. Хоть додумался, наконец.

Нина порылась в вещах и из какой-то коробки извлекла кусок серой оберточной бумаги.

– Другой нет.

– Ладно. Сойдет.

Слащёв снял со столика стопку пеленок, положил перед собою лист, задумчиво его разгладил. И долго сидел так, уставившись в бумагу. Затем стал что-то торопливо писать.

Капитана «Твери» Анисима Михайловича Рыбакова он застал в его каюте. Похоже, он отсыпался за все последние сумасшедшие годы. Но спал он чутко, потому что открыл дверь прежде, чем Слащёв приблизился к двери его каюты. Видимо, ему подсказал о приближении офицера звон шпор.

Прежде, совсем недавно, в капитанской каюте какое-то время размещался генерал Соболевский с женой. После того разгрома, который застал здесь Слащёв, вся каюта была вычищена, отмыта и выглядела так, словно после капитального ремонта. Она даже показалась Слащёву намного просторнее, чем он видел ее тогда. Прямо не каюта, а кают-компания.

Слащёв попросил капитана помочь ему на часок-другой перебраться на крейсер «Алмаз».

– Катера, ваше превосходительство, как вы знаете, у меня нет. А спасательную шлюпку спустить можно. Сходите в машинное отделение, спросите Артура. Да вы его знаете, за щами с ним ко мне приходили.

Слащёв вспомнил лысого механика, с которым он познакомился, когда голодала Маруся.

Коморка, в которой Слащёв прежде видел Артура, была заперта. Он его нашел в машинном отделении, где тот с двумя своими помощниками, пользуясь стоянкой, приводил в порядок свое хлопотное хозяйство.

Увидев Слащёва, Артур обрадовался и, вытирая ветошью руки, пошел ему навстречу.

– Здравствуйте, Артур! – поздоровался Слащёв. – Только неудобно без отчества. Не мальчик уже.

– Артур, то моя кличка, ваше превосходительство. У нас в машине два Василия, и оба Степановичи. Капитан у нас – человек веселый. Он, чтоб не путаться, переименовал нас. Меня Артуром.

– В честь короля Артура, что ли? – спросил Слащёв.

– В честь капитанского кота. Он сутками себя вылизывает. А я, как тот кот, машину охаживаю, – механик повернулся к круглолицему веснушчатому парню. – Васька, скажи вот их превосходительству, как тебя капитан возвеличил?

– Маркизом. А что? Мне нравится.

– То у Анисима Михайловича кобель был, Маркиз. Два года на «Твери» прожил, а тут в Румынии, в Констанце, цыган увидел – и сбежал. Так что Артуров у нас на корабле два, а маркиз остался один.

...И уже когда плыли к «Алмазу», Василий, налегая на весла, спросил:

– Ну, как там дочка? Уже агукает?

– Мы с женой тебя часто вспоминаем, – вместо ответа сказал Слащёв. – Если б не ты...

– При чем тут я? То Авдотья.

– Авдотья тоже. Но все же – ты! Я даже не понимаю, почему я тогда к тебе зашел.

– Может, Господь направил? – по-своему объяснил Василий.

– Вот приедемся к какому-нибудь берегу, крестить надо будет. Тебя в крестные отцы позову.

– Не надо, – качнул головой Василий. – В крестные богатых берут. А с меня что пользы?

– Так не я, так Маруся решила.

– Жинка ваша, что ли?

– Нет. Мы дочку так называли – Марусей.

– Ну, что ж. Если Маруся – зовите. Приду.

Когда подплывали к «Алмазу», Василий спросил:

– Вас подождать, ваше превосходительство? Или опосля за вами приехать?

– Лучше бы подождал. Долго не задержусь, – сказал Слащёв. – И еще просьба. Ты «превосходительством» меня не называй. Не надо. Ни России за моей спиной, ни армии. Какое я «превосходительство»?

Кутепов встретил Слащёва довольно сухо: то ли не хотел возвращаться к старым армейским дрязгам, то ли причиной была болезнь. Его шея была обмотана теплым шарфом, он зябко кутался в стеганный бухарский халат.

– Болеете, что ли, Александр Павлович? – спросил Слащёв, намереваясь тут же откланяться.

– Да шут его... С утра все было нормально, а тут вдруг... Может, старый недуг меня вспомнил: малярия? – И, оглядев стоящего в дверном проеме каюты Слащёва, он пригласил: – Да ты входи, раз уж приехал! Вид, гляжу, у тебя цветущий. Морской воздух, что ли, пошел тебе на пользу?

И, уже усадив Слащёва в единственное кресло, он вдруг вспомнил:

– Да, чуть было не забыл за этими каждодневными хлопотами! Поздравляю тебя с дочкой. У меня трое, и все три – девки. Поначалу огорчился, хотел сына. А теперь понял: нам, солдатам, чтоб не грубеть, надо хоть иногда прикасаться к чему-то чистому, красивому. Мальчишка, он чуть станет на ноги, уже носится по двору с деревянным ружьем. А девочки – это бантики, ленточки, цветочки. Смотришь и оттаиваешь душой.

– Спасибо. Как-нибудь на досуге обсудим эту тему. А сейчас – о другом.

– Я гляжу, ты приехал бодаться, – слегка усмехнулся Кутепов. – А есть ли смысл? Понимаешь, все прошлое растворилось во времени. Мы – в другой жизни, начинаем ее с чистого листа.

– С чистого ли, Александр Павлович? – Слащёв начинал понимать, что разговаривает уже с иным Кутеповым. Он тоже, как и многие офицеры и солдаты, уже примирился со всем, что произошло, и ему не хотелось заново ворошить прошлое. – Все, что было, мы тоже прихватили с собой. Хорошо бы теперь разобраться со всем этим хозяйством.

– Ну, хорошо! – согласился Кутепов. – Ну, да! Были ошибки! И немало! Но я не понимаю, Яков, чего ты хочешь добиться? Какой смысл разбираться в прошлом? Мы уже ничего не можем в нем исправить.

– Согласен. Но мы его не повторим.

Слащёв понял, что избрал неверный тон разговора. Кутепов – человек самолюбивый. На удивление, он пока еще сдерживается, но похоже, вот-вот взорвется. Тем более что цель беседы Слащёва с Кутеповым была иная: он хотел выяснить, как посмотрит Кутепов на то, чтобы принять на себя командование русской армией. Верит ли он в то, что Врангель сможет в этих условиях довести начатое до конца?

– Собственно, меня, Александр Павлович, очень беспокоит мягкотелость, слабость Врангеля, – продолжил Слащёв. – Мы потерпели поражение только потому, что не дрались до конца.

– Видишь ли. Яша. Если бы дрались до конца, мы с тобой уже не были бы здесь, в Турции, у нас не было бы армии. Даже кладбища бы не было. Я уже не говорю о надежде все еще ступить на родную землю.

– Ты считаешь, что сейчас она у нас есть?

– Чисто теоретически, но она все же есть.

– Хорошо. Теперь давай рассуждать практически. Чтобы обновить армию, сделать ее сильнее, чем она была, то есть сделать ее способной вернуть нам Россию, нужен расчетливый, решительный, не подверженный страху и панике полководец. Ты считаешь, что этими качествами обладает Врангель?

– Ну, не обязательно обладать всеми этими качествами. Зачем тогда штаб, советники? Если понадобится, предостерегут, подскажут.

– Но ведь не случилось. Не предостерегли и не подсказали. Поэтому мы здесь, в заливе Мод. Боюсь, это наша последняя остановка перед небытием.

– Ты стал пессимистом, Яша, хотя должен бы быть наоборот: молодой отец, тебе предстоит еще поставить дочь на ноги, обеспечить ей безбедное будущее.

– Об этом и думаю, – сказал Слащёв и, немного помедлив, решительно добавил: – Хорошо! Поговорим откровенно, Александр Павлович. Не один год знакомы, хорошо друг друга знаем и, кажется, доверяем. Я не один такой, кто больше не верит Врангелю. И ты это хорошо знаешь. Как полководец он полностью исчерпал себя. Потерпев такое поражение, он уже до конца жизни будет болеть болезнью, именуемой страхом. Его нужно менять. Лучше сегодня, завтра будет поздно. Завтра он отдаст в руки французам всю нашу армию: они смогут легко его убедить, что большевики сильны, и пускать им под нож что-то около двухсот пятидесяти тысяч солдат неразумно.

– В таких рассуждениях есть резон.

– Никакого. Пока большевики еще очень слабы. Они полностью выдохлись. Им нужно время, чтобы создать новую боеспособную армию. И наша задача: не дать им передышки. Мы должны выступить, как только в Крыму пригреет весеннее солнышко и пока они все еще не до конца пришли в себя.

– Ну, хорошо! Я, как и ты, знаем, что победу несут на руках, а поражение везут на катафалке. Да, у Врангеля прибавилось недругов, – согласился Кутепов. – Но назови мне сейчас хоть кого-нибудь из наших генералов, который бы в условиях чужбины, почти плена, согласился бы возглавить армию.

– Согласился ли бы – не знаю. Но что смог бы – уверен.

– И кто же?

– Ты, Александр Павлович. Не я один так думаю. Со мной согласно большинство наших солдат и офицеров.

– Извини, Яша! Об этом я никогда прежде не думал, – несколько смущенно, но решительно сказал Кутепов. – Готов в любое время подставить Врангелю плечо. И подставлял. И сейчас подставил. Но возглавить армию?... Посеять в ее рядах смуту, расколоть армию – это не трудно. Но не нужно. Вновь не соберем. И потом, помимо всего прочего: никто из нас не знает, согласятся ли на это французы и англичане? Да-да, в наших условиях это не последний вопрос. Они доверились Врангелю и пока его поддерживают. Только его. Поэтому оставь все эти свои мысли для мемуаров. Полагаю, у тебя будет что вспомнить.

– Собственно, я хотел встретиться с тобой только для того, чтобы узнать твое отношение ко всему, мною высказанному, – сказал Слащёв.

– Ну, и что? Узнал? – лукаво усмехнулся Кутепов.

– Все, что хотел. Во всяком случае, мне показалось, что ты тоже об этом думаешь.

– Думаю, ну и что? – с легкостью согласился Кутепов. – Последние годы я вообще очень много думаю. Такой возраст. Пора подводить некоторые итоги.

Ответ Кутепова был обтекаемый. В сущности, старый лис, он знал, как себя вести в таких щекотливых ситуациях. Ни одна его фраза не говорила о том, что он допускает мысль занять место Врангеля.

Но Слащёв и не ожидал, что Кутепов вот так сразу его поддержит. Как всякий дьявол-искуситель, Слащёв заронил в душу Кутепова зерно сомнения, и теперь только оставалось ждать, когда оно прорастет. С написанным на «Твери» письмом он, тем не менее, решил не медлить. Это был рапорт на имя Врангеля. Он вынул его из кармана.

– Личная просьба, – все еще держа письмо в руках, сказал Слащёв. – Как человек честный я сжигаю мосты и хочу сказать Врангелю все, что я думаю о нем и обо всем, что с нами сейчас происходит.

– Весьма похвально, – сдержанно сказал Кутепов. – Во всяком случае, это лучше, чем плести паутину где-то по-за углами.

– Это – рапорт. Пусть простит меня Главнокомандующий: обнищал настолько, что пишу на такой мерзкой бумаге, – Слащёв развернул желтый лист бумаги и положил его перед Кутеповым. – Тебе необходимо знать его содержание.

– Зачем? – насторожился Кутепов.

– Затем, Александр Павлович, что я прошу тебя передать этот мой рапорт Главнокомандующему, – с холодной торжественностью сказал Слащёв. – Последним приказом Врангеля я был направлен в твое распоряжение, и как твой подчиненный я не могу сделать это через твою голову. Ты же обязан передать этот рапорт Главнокомандующему.

– Не составит труда, – неохотно согласился Кутепов и склонился над бумагой.

«Еще в августе месяце я доложил Вам, что из-за ваших помощников и советчиков вы губите Родину, и просил отставки и суда надо мной. Ваш ответ: и отставка, и суд вредны...».

Почерк у Слащёва был неразборчивый, стремительный, с сильным наклоном. Какие-то слова были перечеркнуты, вместо них дописаны другие, строки наезжали одна на другую. Чувствовалось, что рапорт был написан в сильном волнении, торопливо и оттого неряшливо.

«...Вы обещали мне, когда только вступали в должность Главнокомандующего, что имеете возможность обеспечить всем необходимым военнослужащих в случае неудачи, – продолжал читать Кутепов. – В момент крушения я просил назначения. Вы меня назначили – зрителем.

Неудача случилась: Крым сдан. Мы находимся в Турции без какой-либо надежды. Ходят слухи, что нас отправят в лагерь военнопленных. Количество продуктов, которые нам выдают, вполне соответствуют пайку военнопленного. И такое же качество.

На основании всего доложенного доношу: 1) Голодаю, 2) Голодают офицеры и солдаты и 3) Спрашивают меня: „За что?“.

Я же ходатайствую перед Вами об ответе по тем обязательствам, которые Вы взяли на себя. Обращаюсь к Вашей чести, ко всему святому, что у вас еще есть, и прошу спасти армию и обеспечить борцов хотя бы в ущерб своим интересам.

А всеми обеспеченные бойцы под командой старшего из бойцов, генерала Кутепова, хотя бы на новом фронте исполнят свой долг.

К сожалению, государства по Вашей милости у нас уже нет, но армия пока еще уцелела. И армия эта – Русская Армия, солдатом которой я был, есть и буду. Она умереть не может и не должна».

Прочитав рапорт, Кутепов поднял глаза на Слащёва:

– Ну, а мою фамилию зачем сюда прицепил? Для красоты, что ли?

– Это пишу я, генерал-лейтенант Слащёв-Крымский. Это мои мысли. Ты за них не несешь никакой ответственности. Но вставил я тебя сюда не случайно. Пусть задумается, что он не один такой. Захотим и сменим, как в свое время Деникина, – пояснил Слащёв и затем снова спросил: – Может, еще что не понравилось?

– Сумбурно очень. Категорично. И ложь не понравилась. В пути, и верно, жили впроголодь. Сейчас же французы нас снабжают вполне удовлетворительно.

– Генералов – да! А простых солдат?

– Продуктовые наборы для всех одинаковые.

– Ну, слегка преувеличил. Написал, как сумел. Я не Пушкин.

– Зачем же так: «Голодаю»? – ворчливо сказал Кутепов. – Ты лично голодаешь?

– Я не за себя. Но так для дела надо. Чтоб задумался.

– Хорошо. Я передам это Главнокомандующему. Но я считаю твои упреки... как бы это сказать... не очень справедливыми. И хочу тебе напомнить, Яков, ты вступаешь в конфронта-

цию с довольно сильным человеком. Я лично не хотел бы иметь такого врага. Я не тебя жалею, а твою дочь. Надеюсь, ты понимаешь меня?

– Я надеюсь, Врангель – не только сильный, но и здравомыслящий человек. И полагаю, сделает из моего рапорта правильные выводы.

– Я тебе все сказал.

Уже прощаясь, Слащёв мимоходом спросил у Кутепова:

– Сегодня по заливу катера мотались. Похоже, у Главнокомандующего было какое-то совещание. Если не секрет, о чем шла речь?

– Французы попытались обезоружить нашу армию.

– Та-ак. Ну, и что?

– Послали их. Если перевести на интеллигентный русский: не подчинились.

– Вот видишь, Александр Павлович, моя точка зрения Врангеля уже несколько не интересует. Он давно вычеркнул меня из списка своих единомышленников, я уж не говорю – из списка друзей. Так каких неприятностей ждать мне от него после моего рапорта? Мне важно сейчас, чтобы мои соотечественники, до конца исполнившие свой долг, не оказались на улицах Константинополя без куска хлеба и без гроша в кармане. Поэтому и написал, – и после некоторых раздумий добавил: – А о дочери, извини, я уж как-нибудь сам позабочусь.

Сутки спустя на «Лукулл» был доставлен приказ командующего французского оккупационного корпуса в Константинополе генерала Шарпи. В нем Врангеля извещали, что в ближайшее же время русская армия будет передислоцирована в места своего постоянного пребывания. На полуостров Галлиполи предлагалось отправить двадцать тысяч человек. Остальные будут размещены в Чаталджи и на острове Лемнос.

Врангель с недоумением вчитывался в текст приказа. Откуда такие странные цифры? Почему на Галлиполи отправятся только двадцать тысяч?

Французы не могли не знать, что русская армия состоит из корпусов, дивизий, полков. Им был также сообщен количественный состав каждого воинского подразделения. К примеру, Первый армейский корпус, которым командовал генерал Кутепов, насчитывал в своих рядах свыше двадцати пяти тысяч человек. Чем объяснить такое невнимание? И невнимание ли это?

Врангель вспомнил предупреждение Нератова о том, что французы будут пытаться сначала раздробить русскую армию, а затем и уничтожить. Похоже, что предсказания Нератова начинают сбываться. Хотели разоружить армию – не получилось. Теперь пытаются подступиться с другого конца. От Первого армейского корпуса они вознамерились откусить пять тысяч человек, от других подразделений еще по столько же. И с этими, выброшенными из привычной среды, уже можно будет поступать, как французам захочется. Вероятнее всего, эти солдаты вскоре окажутся во французском Иностранном легионе.

Врангель хотел было вызвать к себе Кутепова, но вспомнил, что вчера вечером Кутепов навестил его, чтобы доложить, что он недомогает и на какое-то время назначает вместо себя исполнять обязанности командира Первого корпуса генерала Витковского. Заодно Кутепов передал Врангелю рапорт генерала Слащёва. Из-за большого количества дел он так и не успел еще его прочесть. Подумал: «Интересно, что ему надо? Какие новые сумасбродные мысли возникли в его голове? А впрочем, возможно, он уже остепенился: как ни как, уже не сам по себе, а глава семейства». Но решил, что прочтет рапорт потом.

По поводу приказа генерала Шарпи Врангель пригласил к себе начальника штаба Шатилова. И уже через час они сочинили ответ. Он был довольно резкий.

«Ставлю Вас в известность, что вся реорганизация Русской Армии произведена, о чем Вам была заблаговременно направлена копия моего приказа. Прошу это учитывать в части, касающейся численного состава армейских подразделений. Так, Первый армейский корпус может быть отправлен в Галлиполи лишь в полном списочном составе. Это относится также

к воинским подразделениям, которые намечено дислоцировать в Чатаджи и на острове Лемнос».

– И вот что, Павел Николаевич! Сегодня же доставьте с нарочным это письмо генералу Шарпи, – попросил Врангель. – Надеюсь, на какое-то время у них отпадет охота командовать русской армией.

– Во всяком случае, они, возможно, поймут, что мы – не марионетки и дергать нас за ниточку непозволительно. Да и опасно, – согласился Шатилов.

И пока начальник штаба рассовывал по папкам свои документы, Врангель потянулся к листку желтоватой оберточной бумаги. По мере чтения его лицо становилось все более сосредоточенным и даже злым.

– Прошу задержаться! – попросил Врангель Шатилова, все еще не отрывая глаз от бумаги. Закончив читать, Врангель продвинул листок по столу к ожидающему начальнику штаба.

– Рапорт Слащёва. Ознакомьтесь.

Шатилов склонился над листком. Прочтя, какое-то время стоял молча.

– Ну, и что я ему должен ответить? – мрачно спросил Врангель.

– Судя по всему, он продолжает употреблять кокаин, – Шатилов повертел рапорт в руках: – Написано явно нездоровым человеком.

– В последнюю минуту его усадили на «Илью Муромца». Без вещей, – вспомнил Врангель. – Где бы он в море сумел достать кокаин? На берег, как я знаю, он не сходил. Да, в сущности, и не в этом дело.

– Рапорт довольно хамский, – сказал Шатилов.

– Это началось у него давно: мания величия, что ли. Я повозился с ним предостаточно. А когда-то он был блестящим генералом, – с печалью в голосе произнес Врангель. – До безрассудства смелым. Порой изобретал невероятно хитроумные операции. А сейчас... сейчас он представляет из себя примерно то же самое, что и этот его рапорт.

– Но ответить надо, – сказал Шатилов.

– Обязаны, – поправил его Врангель. – Но надо ли? Слащёв уже давно кончился как человек. Все его фантазмагии, все эти оркестры в рядах атакующих, которыми он время от времени будоражил армию – дорогие глупости. Последние месяцы я не слышал от него ни одного дельного предложения. Сплошные фантазии.

Они какое-то время молча размышляли.

Врангель понимал, что этот преждевремененно израсходовавший себя человек уже не представлял для армии никакой пользы. Может быть, сейчас, после того, как у него образовалась семья, он найдет себя в мирной жизни. Но в этом ему он, Врангель, ничем помочь не может. Но и обижать его он не хотел. Во всяком случае, на хамство, содержащееся в рапорте, он нисколько не обиделся. Прежде сердился, таил обиду, ссорился. А потом он словно забыл о нем. Когда видел его – вспоминал, но общаться больше не хотелось. Все отмерло.

– У меня возникла одна неплохая мысль, – сказал Шатилов.

Врангель поднял на него усталые воспаленные глаза, молча ждал, что он скажет.

– По вашей просьбе я готовлю распоряжение об исключении из армии всех генералов, не занимающих никаких должностей. В основном это люди пожилые, большинство из них сами попросили уволить их из армии. Лишь несколько генералов не пожелали расстаться с армией, но найти им должности не представилось возможным.

– И что же? Вы предлагаете и Слащёва включить в этот список? – нахмурился Врангель. – Он необычный генерал. Он талантливый генерал, гордость армии. Когда-то мы, кажется, даже немного дружили.

– Список довольно почетный, Петр Николаевич. В таком Слащёву не обидно будет оказаться.

– Вы так думаете?

– Тем более что подходящей должности для него нет. Рано или поздно это все равно должно будет случиться.

– Ну, хорошо, – вздохнул Врангель. – Известите его об этом. Попытайтесь объяснить, найдите хорошие слова.

– Может быть, вы, ваше превосходительство? – с надеждой спросил Шатилов.

– Увольте! Все хорошие слова я ему уже сказал! – раздраженно ответил Врангель. – Больше хороших слов у меня для него уже не осталось.

Искать хорошие слова пришлось Михаилу Уварову. После недолгих размышлений сообщить Слащёву об увольнении из армии Врангель послал своего адъютанта. Уваров мало знал Слащёва, лишь несколько раз ему мельком доводилось его видеть. Но о безрассудной храбрости генерала, об атаках в которые он ходил в распахнутом гусарском ментике впереди духового оркестра, играющего «Прощание славянки», Уваров был премного наслышан.

Уваров нашел Слащёва на верхней палубе «Твери». Он, как и во все предыдущие дни, молча наблюдал за быстротекущей жизнью эскадры в заливе.

Слащёв ждал ответа от Врангеля. Он даже надеялся, что, возможно, Врангель даже пригласит его к себе, чтобы объясниться и установить прежний, но давно забытый мир. И поэтому, получив вместо приглашения или хотя бы письма короткую казенную выписку из приказа, он огорчился.

– И это все? – спросил Слащёв.

Уваров не помнил, поручал ли ему Врангель произнести приличествующие этому случаю слова. Но на всякий случай сказал:

– Петр Николаевич просил меня передать вам, что он высоко ценил и ценит ваш полководческий талант и вашу беззаветную храбрость. Он также желает вам и вашей семье счастья и, прежде всего, крепкого здоровья.

– Спасибо! – отмахнулся от слов Уварова Слащёв. – Но что он мне сообщил по существу? Я послал ему рапорт. Он должен мне на него ответить.

– Прошу прощения, ваше превосходительство. Но о вашем рапорте мне ничего неизвестно. Возможно, несколько позже Петр Николаевич намерен сам с вами объясниться.

– Нет-нет, это не входило в его планы. Это вот! – Слащёв взмахнул приказом. – Это, как я понимаю, и есть ответ на мой рапорт. Меня, генерал-лейтенанта Слащёва-Крымского, который с тремя тысячами солдат против тридцати тысяч вражеских отстоял в начале года Крым, теперь за ненадобностью вышвырнули на свалку, как старые сапоги.

Уваров только теперь понял, почему ни Врангель, ни Шатилов не захотели лично сообщить Слащёву о его увольнении. Такая процедура намного труднее, чем даже вручение похоронки.

– Извините, ваше превосходительство, – Уваров не знал, как ему деликатно удалиться. Утешать Слащёва его не уполномочили. Да Слащёв и не нуждался в утешении. – Позвольте, я вас покину.

– Да-да! Вы тут совершенно ни при чем! – сказал Слащёв, и когда Уваров уже спустился на нижнюю палубу, к катеру, он перегнулся через ограждение и с некоторой дерзостью в голосе сказал ему вдогонку: – И передайте, пожалуйста, Главнокомандующему, что я сегодня же освобожу каюту! Я сегодня же покину «Тверь»!

Он сказал это сторяча, от обиды. Но когда скрылся вдали катер с Уваровым, Слащёв вдруг осознал, что произошла катастрофа. Фортуна провернула свое скрипучее колесо, и он вдруг оказался один на один с огромным безжалостным миром. Он стоял на палубе «Твери», смутно представляя, как жить дальше. Самое первое, что пришло в голову: вынуть револьвер и избавиться себя от мучений, а человечество – от себя. Револьвер у него был, а вот права на смерть не было. Совсем близко, в каюте, его ждали два самых близких ему человека, которые не смогут без него прожить.

А потом он вдруг подумал о том, что в жизни ему случалось, и не один раз, очутиться в таких серьезных переделках, что, казалось – все, никакого выхода. Но потом тучи рассеивались, что-то прояснялось, и оказывалось, что и страхи были лишние, и выход сам собою находился, и все в жизни вновь становилось на свои места. Глядишь, и на этот раз буланный вывезет!

Словом, надо собраться, сосредоточиться и... жить!

После полудня спасательная шлюпка «Твери» приткнулась к причалам неподалеку от Нового моста в районе Галаты. Василий и Пантелей подхватили вещи и понесли их на берег. Вещей было немного: два увесистых саквояжа, колыбелька Маруси и просторная клетка, которая когда-то служила жилищем крупному попугаю, а теперь ее делили кот Барон и филин Яшка. Кота совершенно не интересовал ни его сосед, ни окружающий его мир, ни его ближайшее будущее: свернувшись калачиком, он лениво дремал. Филин же – птица ночная – сидел над котом на жердочке, удивленно хлопал большими глазами, время от времени взмахивал крыльями, похуже, пытаясь взлететь.

– Выпустил бы ты их к чертям собачьим! – незлобиво ругнулся Слащёв. – У самих ни кола ни двора.

– Ага! Как же! Выпустил! – в том же духе ворчливо ответил ему Пантелей. – Я ж не душегуб какой-сь. В России их од смерти спас, а туточки, у турков, выпустю. До вечера пропадут.

– Не пропадут.

– Ну да! Не пропадут! Они ж даже языка ихнего не понимают.

– Какого языка, Пантелей? Похоже, ты уже от старости с ума сходишь, – повысил голос Слащёв.

– Какого-какого! Ихнего, кошачого. У их, у тварей божих, тоже язык есть, токо нам не дано его понимать. И у птицы – тоже. У их, у турков, може, филинов и вовсе нету? Я не слыхав.

Слащёв понял: старый денщик взбунтовался. И спорить с ним в эти минуты не имело смысла. Слащёв с досадой махнул рукой, и Пантелей понес клетку дальше.

Василий вернулся обратно и помог сойти со шлюпки Нине Николаевне. Слащёв, бережно приняв у нее крохотный сверток со спящей Марусей, выждал, когда супруга окажется на берегу, а затем и сам, следом за нею, легко спрыгнул на пирс.

Василий, привязав шлюпку, спросил у Слащёва:

– И куда теперь? Время есть, немного вас провожу.

– Не нужно. Возвращайся, – твердо сказал Слащёв. – Мы уже никуда не торопимся. Постоим, подумаем.

– У вас что, негде остановиться? – удивился Василий. – Могли бы покаместь и дальше на «Твери» жить.

– Не положено. Я с сегодняшнего дня простой беженец. Без всяких обязанностей, но и без прав.

– А деньги? Деньги хоть вам выдали?

– «Керенки» здесь не ходят, а других в нашей армейской казне нет.

– И как же вы жить собираетесь?

Слащёв недоуменно сдвинул плечами: это и был тот главный вопрос, который он сейчас проворачивал в своей голове.

– А ты думаешь, те русские, что здесь осели, они сюда с деньгами приехали? – сказал Слащёв и легкомысленно добавил: – Заработаю!

Василий с едва заметной жалостью посмотрел на Слащёва и, подхватив саквояжи, решительно сказал:

– Пойдемте!

– Куда? – не понял Слащёв.

– Во-он, к таможне, – Василий указал вдаль, на несколько высящихся у самого морского обреза, зданий. – Там, возле пароходного агентства, всегда много наших, русских. Пытаются там что-то заработать. Посоветуемся с ними. Может, разживемся у них каким адресом?

И пока они шли вдоль набережной, их глазам приоткрылась маленькая частица чужой припортовой жизни.

Пропахшие морем, обветренные и прокопченные солнцем рыбаки вытаскивали из фелюг тяжелые короба с пеламидой, ставили их на телеги, чтобы отвезти на рыбный рынок. Рыба блистала на солнце серебряной чешуей. Ожидая конца погрузки, в оглоблях телеги понуро стоял маленький ослик. Он словно печально размышлял, хватит ли у него сил дотащить эту неподъемную тяжесть до рынка.

Пугая прохожих надрывными гудками клаксонов, по набережной торопливо бежали блистающие черным лаком автомобили. Уступая им дорогу, сторонились к тротуарам нарядные шарабаны, кабриолеты и пролетки с важно восседающими на них господами.

В одну и другую сторону набережной по тротуарам двигались пешеходы. Это были местные люди, в основном – портовые рабочие. Они растекались по узким переулкам: в их глубине можно было разглядеть огромные лабазы, ледники, склады.

Среди пешеходов было много матросов. После длительной океанской и морской болтанки они и по тротуару вышагивали широко и вразвалку, так, как совсем недавно ходили по кораблю.

Время от времени в этой толпе лениво, флегматично, как верблюды в пустыне, брели темнолицые зуавы в красных петушиных нарядах. Они строго посматривали по сторонам, следили за порядком, поскольку были здесь хозяевами и представляли французский оккупационный корпус.

Еще в этом послеобеденном многолюдье можно было увидеть солдат и офицеров в серой русской форме. Они остались здесь после новороссийской катастрофы. Но немало было уже и тех, кто сумел покинуть Крым в последние его дни, и добрались сюда бог весть как и неведомо на чем. Появились уже здесь даже те, кто приплыл сюда с эскадрой. Но этих были единицы.

Над всей этой толпой,двигающейся по набережной, висела керосиновая гарь, смешанная с терпкими запахами восточных пряностей. С басовитыми гудками океанских лайнеров перекликались маломощные и сиплые голоса буксиров и лоцманских катеров. Надрывные голоса продавцов шаурмы, жареной рыбы и шашлыков смешивались с воплями водоносов и зазывал бесчисленных мелких лавочек и кофеен.

Словно успокаивая всех, призывая примириться с мирской суетой, время от времени в разных концах города взмывали в воздух и плыли над ним сладкие и тягучие голоса муэдзинов.

Неподалеку от пароходного агентства, на небольшом пятачке, толпились пассажиры, ожидающие автомобилей-такси, шарабанов, кабриолетов или какое другое средство передвижения.

Особняком, но рядом с ожидающими транспорта пассажирами стояли несколько мужчин. Они отличались поношенной русской армейской одеждой и светлыми русскими лицами. Лишь один – высокий, худой – выделялся среди них злым калмыцким лицом. Окажись здесь Павел Кольцов, он узнал бы в нем своего недавнего недруга Жихарева. Не сгинул он тогда в Крыму. Выжил.

– Постоим здесь, – велел Василий и прислонил к ограде пароходного агентства свою ношу. – Здесь наши соотечественники собираются. Вон тот, в барашковой шапке – казачий подхорунжий по фамилии Волков. Он с весны здесь, после того как наши с Новороссийска драпанули. А вон тот, со шрамом, полковник Сахно, – указал он на неопрятно одетого, небритого мужика, по внешнему виду смахивающего на обедневшего одесского биндюжника.

– Откуда ты всех их знаешь? – удивился Слащёв.

– Как мне не знать, когда последний год «Тверь» чуть не еженедельно сюда, в Константинополь, ходила. Этих я почти всех знаю. Вон те двое, – Василий указал на двух похожих друг на друга парней, – они давно здесь, турецкий знают. Говорят, братья. Может – близнецы, может – погодки. Не спрашивал.

– А вон тот, узкоглазый?

– Тот к нам в Батуме подсел. Недавно.

– Калмык, что ли?

– Говорит, русский. А кто его мамка, только папка знает. Мир – бардак, все перемешалось.

Стояли в этой компании еще двое, но о них Василий ничего не сказал. Они были здесь новичками, и Василий о них ничего не знал.

– Ну, и чего мы здесь остановились? – спросил Слащёв.

– Хотел вам показать, как здесь деньги зарабатывают. Чтоб не очень обольщались.

Вдали показался вместительный шарабан, он пробирався сквозь людскую толпу к стоянке. К нему тотчас одновременно бросились один из братьев и подхорунжий. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, подхорунжий ловко лавировал в людском потоке, иногда врезался в толпу и мощно работал руками. Он первым успел к шарабану. А его молодой товарищ по несчастью, не солоно хлебавши, возвратился к стоящим под стеной товарищам.

Подхорунжий подъехал на шарабане к стоянке и, встав на его ступеньку, объявил:

– Кому на Палканди?

К шарабану потянулись пассажиры.

– Теперь смотрите! – сказал Василий.

Проходя к шарабану мимо стоящего немолодого, тяжело дышащего, потного подхорунжего, пассажиры опускали в его протянутую руку кто пару лир, а кто и вовсе несколько курушей.

– Мерси! Спасибо! – кланялся каждому подхорунжий.

– Вот так, ваше превосходительство, здесь достаются русским деньги, – сказал Василий.

После того как загруженный пассажирами шарабан тронулся, подхорунжий подошел к своим товарищам, стоящим под стенкой пароходного агентства, молча раскрыл ладонь, показывая свой заработок. Потом сунул деньги в карман.

Это была новая профессия, которая здесь еще даже не успела приобрести название. Она возникла в связи с наплывом в Константинополь беженцев не только из России. Просто россиян оказалось здесь несколько больше.

В поисках заработка, не имея за душой никакой другой профессии, кроме виртуозного владения саблей и револьвером, они оказались невостребованными на турецких берегах. И тогда в поисках заработка они ринулись в сферу услуг, для которой не нужно было владеть никакой профессией. Задача была – обогнать своих товарищей и первым завладеть шарабаном или кабриолетом, перепродать его ожидающим пассажирам, получив за эту мизерную услугу такую же мизерную плату. Но это было все равно лучше, чем ничего. На эти крошечные деньги можно было худо-бедно жить.

Василий поднял глаза на Слащёва, тихо спросил:

– Надеюсь, ваше превосходительство, вы не станете добывать деньги таким способом? У вас хоть на первое время что-нибудь есть?

– Забудь, пожалуйста, про «превосодительство». Его больше нет. Все! – сказал Слащёв. – А насчет денег... Были у меня «керенки», я выбросил их в море. Должно быть, уже подплывают к Севастополю.

– И как же вы собираетесь здесь жить? Я уж не спрашиваю где?

– Пока не знаю.

Слащёв понимал, что у этой задачи нет решения, и если не случится чуда, ему и в самом деле придется примкнуть к подхорунжему Волкову и полковнику Сахно.

Василий сунул руку в карман и достал оттуда небольшой сверточек.

– Вот! Возьмите!

– Что это?

– Деньги. Только турецкие.

– Не нужно! Что-нибудь придумаю, как-то обойдусь, – насупившись, стал отказываться Слащёв.

– Вы-то обойдетесь, а как дите? Пока что-то придумаете, время пройдет. А Марусю раз шесть в день кормить надо, а то и чаще. А тут тех денег в аккурат на молоко, – настаивал Василий. Он сунул деньги Слащёву в руки и тут же извиняющимся голосом торопливо добавил: – Вы извините меня, Яков Александрович, я пойду. Обещал Анисиму Михайловичу через час вернуться. А уже...

– Да-да, конечно! Езжай, Василий Степанович! Езжай с богом! И извини нас за все хлопоты!

– Да какие это хлопоты! – махнул рукой Василий. – Хлопоты только начинаются. В случае, если на ночь нигде не приспособитесь, заплатите лодочникам десять лир, они вас обратно на «Тверь» доставят. Не гоже генералу с семьей невесть где ночевать.

Василий пошел обратно к своей лодке. Отойдя уже на приличное расстояние, он обернулся. Выждав, когда Слащёв заметит его, взмахнул ему рукой.

Все трое помахали ему в ответ.

Когда Василий скрылся из глаз, Слащёв вынул из кармана подаренные ему деньги и пересчитал. Их и в самом деле было немного, но несколько дней Марусе на молоко вполне хватит. А там, чуть позже, он рассчитывал что-то придумать. В Константинополе уже возникло несколько благотворительных организаций, которые оказывали не только моральную, но и материальную поддержку военнослужащим, оказавшимся по тем или иным обстоятельствам в тяжелом финансовом положении. Ему не хотелось об этом думать, обращаться за вспомоществованием было для него унизительно. Он надеялся, что, продержавшись несколько дней, он найдет здесь своих сослуживцев – и все встанет на свои места.

Но это, конечно, не сегодня и, может быть, не завтра. Возможно, через неделю...

А что же сегодня? Тени от домов все больше напоздали на дорогу. Близился вечер.

Нина подошла к нему и тихо спросила, как делала это всегда, когда хотела его подбодрить:

– Ваши действия, генерал?

– Не мешай, юнкер! Я думаю, – и, вспомнив, Слащёв полез в карман, протянул Нине несколько лир. – Отправь Пантелея, пусть купит Маруське молока.

– Яша! Его же надо вскипятить! – укоризненно сказала Нина.

– Маруська – генеральское дите. Его никакая турецкая зараза не возьмет, – бодро сказал Слащёв.

Нина отошла.

Слащёв еще некоторое время размышлял, потом обратил внимание на стоящих на пяточке русских. Встретился взглядом с одним из них, у которого было злое калмыцкое лицо, жестом руки подозвал его.

Жихарев несколько развязно подошел, но вежливо поздоровался, сказал:

– Я давно заметил, у вас, господин генерал, какие-то затруднения?

– Ровным счетом, никаких! – тоном, каким хотят поставить человека на место или дают понять, что ему не следует интересоваться чужими делами, сказал Слащёв. – Я всего два часа как в Константинополе. Не подскажите, где можно устроиться на ночь?

– В ста шагах отсюда один из лучших отелей Константинополя «Империял». Для меня он дорогой, а как для вас – не знаю.

– А без шуток?

– Понял, у вас затруднения с деньгами.

– Сегодня – да. Завтра у меня будет миллион! – высокомерно сказал Слащёв.

– Значит, будем исходить из вашей сегодняшней кредитоспособности? Что вы предпочитаете? Гостиницу? Особняк? Частную квартиру?

– Мне нужно жилище, где бы я мог жить с определенным комфортом.

– Под комфортом вы понимаете тишину, уют, уединение и ласкающий глаз пейзаж? – спросил Жихарев.

– Ты – сообразительный малый, – сказал Слащёв. – И где же такое райское место?

– Это в квартале Везнеджилер.

– Мне это ничего не говорит.

– Улица Де-Руни. Там хозяин, который долгое время жил в России и хорошо знает русский.

– Ну, что ж! Если все то, что ты мне наобещал, правда, я заплачу тебе завтра вдвое больше, чем ты рассчитываешь.

– А сегодня?

– Не мелочись. Если я заплачу тебе сегодня, то уже без поощрительных процентов. Подумай.

– Хорошо. Завтра, так завтра, – согласился Жихарев.

– И не тяни долго! Видишь, солнце уже ложится на крыши домов.

С широкой набережной они свернули на деревянный Махмудов мост и, проехав по нему, немного поплутали по старой турецкой части города.

Потом долго ехали по пустырю с ухабистой грунтовой дорогой. Пролетку трясло и кидало в разные стороны. Пантелей одной рукой придерживал клетку с котом и филином, а другой уцепился за саквояжи. Нина держала в руках запеленатую Марусю, а Слащёв изо всех сил удерживал Нину, руки у которой были заняты, чтобы она не свалилась с пролетки.

– Скажи мне, чичероне, что это за квартал, в который нет дороги? – спросил Слащёв.

– Не волнуйтесь, господин хороший. Вы получите то, о чем даже не мечтали: тишину, покой, почти российский сельский пейзаж и хозяина, который хорошо говорит по-русски, – успокоил Жихарев. – Уже почти приехали.

И действительно, вскоре они свернули в переулок, который правой частью своих домов смотрел на залив Золотой Рог. Был он длинный и узкий. Пролетка едва не цеплялась за стоящие с двух сторон высокие заборы, за которыми можно было увидеть лишь крыши домов.

Возле одного такого забора они остановились.

– Мы – дома! – соскочив с пролетки, Жихарев прошел к похожей на крепостную бойницу калитке. Громко постучал по железу калитки висящим здесь же на цепочке молотком.

Загремели засовы, и в распахнутом проеме калитки возникло свирепое бородатое лицо янычара в феске.

Увидев Жихарева, он молча посторонился и впустил только его во двор, при этом запоры вновь загремели.

Прошло еще какое-то время. Они терпеливо ждали.

Что сказал Жихарев хозяину, этого никто никогда не узнает.

Но наконец опять вслед за знакомой мелодией замков широко растворилась калитка, и на пороге встал...

Слащёв поначалу даже не поверил своим глазам, и решил, что сейчас на встречу с ними вышел совершенно другой человек. Вместо мрачного свирепого янычара, поросшего черными волосами в проеме калитки приветливо светил улыбкой неузнаваемо преобразившийся все тот

же янычар. Только теперь он был скорее похож на добрейшего турецкого Деда Мороза (если, конечно, в Турции они водятся), готового щедрою рукою рассыпать вокруг себя подарки.

Он подскочил к пролетке и помог Слащёву спуститься на землю. Не переставая улыбаться и кланяться, он представился:

– Меня зовут Мустафа Эфенди. Для вас – просто Мустафа, – и спросил: – Господин желает только переночевать или...

– И «или» тоже. Если мне все здесь понравится, проживем у вас какое-то время. Месяц или, быть может, год.

– Понравится. Уверен, очень понравится. Все, кто жил у меня...

– Сколько? – прервал рекламные словоизлияния Мустафы Слащёв.

– Вы же еще не видели апартаментов.

– Но я еще ничего здесь не видел. Не с чем сравнивать.

– Вас трое? – переходя на деловой тон, спросил Мустафа.

– Шестеро. Я, жена, дочь Маруся, денщик Пантелей, кот Барон и филин Яшка, – загибая пальцы, пересчитал Слащёв. – Всего шестеро.

– Вы – веселый человек, – сказал Мустафа. – Я люблю веселых.

– Короче, сколько?

– Вы мне понравились. Пятьдесят лир в сутки.

– Вот теперь я хочу посмотреть, стоит ли то, что ты мне предлагаешь, пятьдесят лир, – и Слащёв двинулся на хозяина.

Мустафа посторонился, пропуская Слащёва впереди себя.

Двор был большой, одной стороной он спускался к Золотому Рогу. Вдоль берегов, по обеим сторонам, вперемешку стояли на якорях военные и торговые корабли.

– Твой флот, Мустафа? – пошутил Слащёв. – С кем воевать собираешься?

– Мы – народ мирный. Мы не любим воевать.

– А в пятнадцатом, на Галлиполийском полуострове?

– Ну, если на нас нападают, – они прошли мимо беседки, оплетенной виноградной лозой, Мустафа мимоходом сказал: – Если доживете у меня до весны, здесь, в этой беседке, проведете лучшие дни своей жизни. Здесь очень красиво, но особенно весной.

От беседки они прошли к беленькому, почти что игрушечному домику, одному из трех, стоящих на территории двора.

– Пройдемте сюда. Я думаю, в этом домике вам будет уютно.

Домик и в самом деле был чистенький, вероятно, только построенный. Мебель тоже была новая, недавно сюда завезенная.

Когда они вновь вышли во двор, Мустафа спросил:

– Так что вы скажете мне теперь?

– Не «Импераал», – с некоторым пренебрежением сказал Слащёв. Он помнил, что у него в кармане нет даже пятидесяти лир, чтобы заплатить за сегодняшнюю ночь.

– Но и пятьдесят лир – это не сто, которые вы бы платили в «Импераале» за самый дешевый номер, – Мустафа огорченно покачал головой. – Я понимаю: вы – генерал. Вы избалованы большими деньгами и роскошными апартаментами.

Слащёв понял, что в своем стремлении сбить цену он перестарался. И поэтому сказал:

– Нет, почему же! Жить, конечно, можно, но...

– Я вас понял! Сорок лир в сутки! И не будем больше торговаться! – торжественно провозгласил Мустафа, и добавил: – Сбавляю цену только потому, что вы мне понравились. Но при этом прошу выдать мне хотя бы небольшой аванс. Есть, знаете, такой закон, который я не хотел бы нарушать.

– Ну, что ж. Закон есть закон, – спокойно, не моргнув глазом, сказал Слащёв и при этом подумал, что той мелочи, которую ему оставил Василий, даже на жалкий аванс, конечно, не хватит. Но и уезжать отсюда на ночь глядя уже не хотелось.

– Видишь ли, деньги англичане переведут мне только завтра, – Слащёв одновременно продолжал лихорадочно соображать, что еще можно предпринять, если Мустафа заупрямится.

«Остается единственное: ехать в посольство, там фамилия „Слащёв“ еще может открыть ему дверь какой-нибудь комнаты. Но есть еще извозчик и этот калмык, который потратил на него едва ли не полдня. С калмыком он еще бы как-нибудь договорился, ему терять особенно нечего. А вот извозчик пролетки? Он вряд ли согласится за имеющуюся у него мелочь отвезти их на улицу Истикляль, в российское посольство».

И тут вдруг его осенило: часы! Те самые, золотые, подаренные ему генералом Соболевским.

Слащёв поднял глаза на янычара и спокойно сказал:

– К сожалению, деньги... фунты стерлингов... мне доставят только завтра утром...

И он увидел, как глаза Мустафы потеряли свой блеск, выцвели, поскучнели.

– Но... – продолжил Слащёв. – Но у меня есть одна безделушка, которая, возможно, тебя заинтересует.

Он сунул руку в карман, нащупал цепочку и поднял над собой подарок генерала Соболевского. Часы на цепочке слегка раскачивались и поворачивались. Последние лучи вечернего солнца вспыхивали и переливались на его гранях, и эти отблески отражались в хищных глазах янычара.

– Золото? – сдерживая волнение, безразличным тоном спросил Мустафа.

– Разве не видно?

– На ходу?

– Странный вопрос. Я их выиграл в покер у великого князя Александра Александровича. Я так думаю, великий князь плохие часы носить бы не стал.

Слащёв еще раз слегка подкрутил цепочку, и часы снова медленно и тяжело сделали оборот, рассыпая вокруг себя золотые отблески.

– Сколько? – сглотнув слюну, спросил Мустафа.

– Нравятся, – убежденно сказал Слащёв.

– Назовешь приемлемую цену, куплю. А нет – не судьба.

– Сойдемся. Для начала, расплатись с извозчиком, – Слащёв затем указал взглядом на Жихарева. – И этому, твоему агенту, откинь от своих щедрот. Только сначала пусть занесут в дом вещи.

Мустафа и Жихарев удалились. Слащёв остался один. Он смотрел вниз, туда, где совсем близко, в заливе Золотой Рог, догорал его первый константинопольский день.

Глава восьмая

Количество кораблей российской эскадры, отдавшей якоря в заливе Мод и возле Принцевых островов, постепенно уменьшалось.

Несколько кораблей ушли в Сербию, которая пообещала принять у себя несколько тысяч беженцев.

Болгария, Румыния и Греция известили французское оккупационное командование, что могут принять у себя восемь тысяч беженцев – и еще несколько небольших судов огласили залив своими прощальными гудками.

Довольно не просто проходили переговоры Врангеля с французами и англичанами по поводу размещения армейских соединений на полуострове Галлиполи, на острове Лемнос и в Чаталджи.

Согласившись вначале разместить Первый армейский корпус на полуострове Галлиполи, французы снова и снова пытались переподчинить русскую армию себе.

Казалось, завершены все согласования и армия вот-вот отправится к месту своего постоянного размещения, как вдруг Врангель получил срочный пакет, в котором содержался новый приказ полковника Дюпре. В нем русское командование извещалось, что в каждом лагере (в Галлиполи, в Чаталджи и на Лемносе) учреждается должность командующего лагерем и эту должность будет исполнять французский офицер. «При этом офицере будет состоять русский комендант лагеря, который будет во всех случаях ему подчинен, каковы бы ни были их чины и звания», – говорилось в приказе.

Дважды перечитав приказ, Врангель так и не понял, зачем все это? Может, это полковник Дюпре все еще не мог успокоиться после своего унижения при первой встрече с русским генералом и всячески пытался ему мстить? Не похоже. Скорее всего, этот приказ тоже вписывался в те намерения французов потихоньку, не торопясь, уничтожить русскую армию.

Взбешенный этим приказом, Врангель в тот же день встретился с генералом Шарпи. Переводчика на это время в штабе не нашлось, и Врангель, вопреки всем своим правилам, перешел на французский, который неплохо знал, но из-за отсутствия постоянной языковой практики говорил медленно, иногда подолгу вспоминая нужные слова.

– Прошу мне объяснить, что бы это могло значить? – гневно спросил он, передавая французу приказ. – Это мелочная опека или тотальный контроль? Комендантом лагеря в Галлиполи мною уже назначен генерал-лейтенант Гореликов. Приказам какого французского лейтенанта он будет обязан подчиняться? И чьим приказам обязан подчиняться я? Полковника Дюпре?

Пробежав глазами приказ, генерал Шарпи смущенно сказал:

– Прошу прощения, генерал, этот приказ я сегодня же отменю.

– Еще раз попытайтесь меня понять, – продолжил наступать на Шарпи Врангель. – Русская армия – это русская армия и ничьим приказам, кроме приказов российских командиров, она подчиняться не будет.

Генерал Шарпи нахмурился, тон Врангеля показался ему обидным.

– Но ведь есть еще целый ряд вопросов, которые, хотим мы или нет, должны как-то урегулировать, согласовать.

– Согласовывать – да! – согласился Врангель и тут же добавил: – И только! Соблюдая при этом дружеский и неунижающий тон. Мы не Абиссиния и не Трансильвания, прошу все же это учитывать.

Сославшись на занятость, Врангель отказался позавтракать вместе с Шарпи и собрался уходить. Шарпи поднялся, чтобы проводить Врангеля к пирсу. В пути он примирительно сказал:

– Я понимаю вас, армия порядком подустала от этой бивуачной жизни на воде. Почему же вы сегодня не задали мне вопрос, который часто задавали в эти дни?

– Когда? – спросил Врангель.

– Принято окончательное решение: с завтрашнего дня начинаем расселять вашу армию. Надеюсь, эта весть несколько улучшит ваше настроение.

– Не та новость, которая может повлиять на настроение, – скупно сказал Врангель.

Едва Врангель вернулся на «Лукулл», как ему доложили о новой неприятности. Откуда-то узнав, что на следующий день корабли покинут залив Мод и увезут войска в места их постоянного проживания, небольшая часть солдат и офицеров взбунтовалась. Выяснилось: они подписали контракты с французским Иностранным легионом и настаивали на том, чтобы их переправили на берег.

Врангель решил: вступать в конфликт с французами еще и по этому поводу не имело смысла, и к вечеру около двух тысяч русских солдат и офицеров оказались на берегу, где их принимали французские вербовщики и уводили в заранее подготовленные в порту казармы.

Закипела также подготовка к отплытию из Константинополя. Путь до полуострова Галлиполи был недалек, немногим больше ста миль. Домашнее дело. Но русские военачальники предварительно там не побывали. Поэтому никто толком не знал, что представляет этот полуостров сегодня, насколько он пригоден для проживания крупного воинского подразделения.

Было лишь известно, что он не так давно сильно пострадал от землетрясения, а чуть позже, в пятнадцатом, был основательно разрушен варварскими артиллерийскими обстрелами англичан и французов. Но восстановлены ли разрушенные здания, было неизвестно.

Комфорта французы, и верно, не обещали. Но на особый комфорт никто и не рассчитывал. Было также понятно, что все уцелевшие лучшие жилые здания в самом городе Галлиполи заняли французы и абиссинцы. На вопрос, какие воинские подразделения и сколько офицеров можно будет разместить в городе, Врангель ответа не получил.

На всякий случай Врангель решил подстраховаться и на транспортах «Херсон» и «Саратов», которые первыми уходили в Галлиполи, велел разместить также технические и вспомогательные подразделения. Им вменялось в кратчайшие сроки подготовить жилье для всех тех, кто прибудет на полуостров позже. И уж, во всяком случае, не встретить измученных солдат и офицеров врасплох.

Командовать Первым армейским корпусом, отбывающим в Галлиполи, Врангель хотел вместо приболевшего Кутепова назначить генерал-лейтенанта Витковского. Но Кутепов отверг это предложение. Преодолевая себя, еще накануне вечером он переселился на «Херсон» и вместе с первыми транспортом отбыл на полуостров.

Больше суток транспорты шли по Мраморному морю. Сеял затяжной мелкий дождик, и в такую пасмурную погоду оно было неприветливое и ничем не отличалось от Черного. Лишь волна, казалось, была здесь не такая злая.

Далеко от берега транспорты не отходили. На протяжении всего светлого времени суток по правому борту постоянно виднелись скалистые зубчатые фракийские берега. А над судами постоянно висел разноголосый гомон таких же, как и на Черном море, драчливых чаек.

Кутепов до глубоких сумерек не уходил с верхней палубы транспорта. А едва стало светать, снова продолжал под дождливой моросью вглядываться в чужие берега.

– Вы бы, Лексадр Павлыч, не шутовали с организмой. Только хворь в ей раздуваете, – накидывая на Кутепова сухую брезентовую накидку, ворчливо сказал ему старый денщик Беба. Была ли это его фамилия или, быть может, присохшее к нему с детских лет ласкательное имя, никто не знал. Не знал этого, вероятно, и Кутепов, хотя денщиком у него Беба служил еще с «Ледового похода». Тогда он выходил Кутепова после жесточайшего тифа, в результате заразился сам. И Кутепов ночами просиживал над бредящим в горячке денщиком. С тех пор они не расставались.

– Морской воздух хворь убивает, – объяснил Бебе Кутепов.

– Ага! Откудава тут морскому воздуху взяться? Одна сырость небесна. А в ей, доктор рассказывал, вредоносная микроба заводится.

– Иди, поспи, – миролюбиво отмахнулся от Бебы Кутепов.

– Не спится, Лескадр Павлыч. Хочу высказать вам одну свою наблюдению. В молодости мог сутками спать, хоть на перини, хоть не сене. А счас – не-е. Счас все думаю и думаю. Чуток посплю и опять начинаю думать.

– О чем?

– О Расее.

– Интересно, что ты о ней думаешь? – улыбнулся Кутепов.

– Тогда спервоначалу задам вам одну заковыристу загадку, – решительно сказал Беба.

– О России?

– Об ей. Усе говорить, шо большевики – безбожники. Так? Нет?

– Ну, может, не все, но явное большинство. Это бесспорно.

– В чем и загадка! Скажить, почему тогда Господь до их свой светлый лик повернув? Это шо ж получается? Вроде как оны, безбожники, лучшее для Господа, чем мы, сплюшь православни христиани? В чем тут закавыка?

– Ну, и в чем? – Беба даже развеселил Кутепова, отвлек его от мыслей о предстоящей высадке на берегу.

– Я так мыслю, Лескадр Павлыч, шо Господь в таком громадном хозяйствии не успевае сам со всем управляться. Ну, не под силу такое одному. А он, видали на иконах, уже старенький. Я и подумав, ваше превосходительство, а не може такое быть, шоб большевики ему зачали помогать? Война, народу убивают – не счесть. Поди там, в такой круговерти, разберись, который тут верующий, а который большевик! От оны и пристроились в помощники. Не открою вам секрета, если скажу: в нашей земной жизни от помощника зачастую больше зависит, чем од його начальника. Чуете, куда веду? Пока Господь там разберется кого куда, а помощники уже успели все переиначить.

– А ты, брат Беба, еретик! – сказал Кутепов.

– Ни в коем случае, ваше превосходительство, – замотал головой денщик. – Хрещеный, в церкву хожу, свечки ставлю, споведуюсь. В Господа нашего истинно верую. Токо никак не пойму, за шо он так на Расею прогневался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.